

**Научный
журнал**

ISSN 2219-6242

Социология и право

№ 3 (20) • 2013

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

*доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

В. А. ГНЕВКО

Заместитель главного редактора

доктор технических наук, доцент

Г. А. КОСТИН

Редакционный отдел

доктор экономических наук, профессор

Е. А. ТОРГУНАКОВ

кандидат юридических наук, доцент

О. В. ГРЕВЦОВ

доктор философских наук, профессор

В. В. КОЗЛОВСКИЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

вице-президент Европейской академии наук и искусств,

доктор юридических наук, профессор

В. БЕРГМАНН

советник президиума Национальной академии наук Республики Армения,

президент Международной академии философии,

директор Международного научно-исследовательского института философии,

трансформационной логики и теории аргументации,

доктор философских наук, профессор, академик НАН РА,

заслуженный деятель науки Армении

Г. А. БРУТЯН

директор Социологического института РАН,

доктор экономических наук, профессор,

член-корреспондент РАН

И. И. ЕЛИСЕЕВА

вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ,

доктор юридических наук, профессор

В. Б. ИСАКОВ

президент Ассоциации юридических вузов России,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

М. Н. МАРЧЕНКО

директор Саратовского филиала Института государства и права РАН,

вице-президент Ассоциации юридических вузов России, доктор юридических наук,

профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. В. МАЛЬКО

Адрес редакции:

190103, Санкт-Петербург,

Лермонтовский пр., д. 44

Тел.: (812) 448-82-50

E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2013

© Санкт-Петербургский университет
управления и экономики, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>М. Ф. Воронина, Е. А. Карпова.</i> Ресурсные факторы жизнестойкости	5
<i>А. Ю. Булатецкая.</i> Конфликтологическая подготовка будущих менеджеров в процессе обучения в вузе: социально-технологический аспект	11
<i>А. А. Попов.</i> Программа взаимодействия общественных организаций в сфере повышения эффективности и развития органов местного самоуправления	19
<i>В. Т. Сейсяни.</i> Система российского образования как один из факторов влияния на молодежные субкультуры	24

Право в жизни государства и личности

<i>В. М. Боер, П. П. Глуценко.</i> Юридическая сущность института правозащитной деятельности.	31
<i>О. В. Гревцов.</i> Сущность и особенности методологии уголовной политики.	36
<i>Е. Е. Курочкина.</i> Основные направления совершенствования государственно-правового механизма финансово-контрольной деятельности в сфере размещения государственного и муниципального заказа в Российской Федерации	42

CONTENTS

Social problems of a society

<i>M. F. Voronina, E. A. Karpova.</i> Resource factors of resilience	5
<i>A. Yu. Bulatetskaya.</i> Conflictological preparing future managers in the process of learning at university: social and technological aspect	11
<i>A. A. Popov.</i> The program of interaction between public organizations in the sphere of increasing efficiency and development of local self-government	19
<i>V. T. Seysyani.</i> System of Russian education as one of the factors of influence on youth subcultures	24

The law in a state and person life

<i>V. M. Boer, P. P. Glushchenko.</i> The legal essence of the human rights activities Institute	31
<i>O. V. Grevtsov.</i> The essence and specifics of criminal policy methodology	36
<i>E. E. Kurochkina.</i> The main directions of improving the state-legal mechanism of financial and control activities in the field of placement of state and municipal contracts in the Russian Federation	42

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА

УДК 159.316.6

М. Ф. Воронина, Е. А. Карпова

Ресурсные факторы жизнестойкости

M. F. Voronina, E. A. Karпова. Resource factors of resilience

В статье обсуждается проблема жизнестойкости личности, которая характеризует способность человека совладать с трудными ситуациями. Актуальность данной темы определяется возрастающими потребностями нашего общества в поисках путей создания благоприятных условий для максимального развития личности, эффективности ее жизненного пути. Рассматриваются теории С. Хобфолла, А. Бандуры, Э. Фромма, С. Мадди и др. В рамках ресурсного подхода рассматриваются различные виды ресурсов, как внешние, так и личностные.

Ключевые слова: жизнестойкость, самоэффективность, поведение, личностные ресурсы.

Контактные данные: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 12, каб. 201; (812) 373-81-19; pravo@limtu.ru.

The article covers the problem of personality resilience, that characterises a person's ability to deal with difficult, stressful situations.

The relevance of the topic is determined by the increasing needs of our society to find ways for creating favorable conditions for personal growth, personal efficiency. In the article the theories of S. Hobfoll, A. Bandura, E. Fromm, S. Maddi are looking upon. Resource base view helps to investigate the different kinds of resources, both personal and external.

Keywords: resilience, self-efficacy, behavior, personality resource.

Contact details: Gastello Str. 12, of. 201, 196135, Russian Federation; (812) 373-81-19; pravo@limtu.ru.

Многообразная, сложная жизнь постоянно заставляет человека искать выход из создавшихся противоречивых ситуаций. Неустойчивость социально-экономического, общественного, нравственного и межличностного положения человека не может не сказаться на его психологическом состоянии. Несомненно, когда человек пытается справиться с теми или иными жизненными трудностями, он выбирает ту или иную стратегию поведения, которая обусловлена его личностными характеристиками, ответственными за успешную адаптацию и совладание

Марина Феликсовна Воронина — директор Академии методов и техники управления («ЛИМТУ») Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, кандидат юридических наук, доцент.

Елена Алексеевна Карпова — доцент кафедры «Управление и право» Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, кандидат психологических наук, доцент.

© М. Ф. Воронина, Е. А. Карпова, 2013.

с жизненными трудностями. В этой связи проблема изучения жизнестойкости человека как интегральной характеристики личности является весьма значимой на современном этапе развития нашего общества.

Понятие жизнестойкости было введено С. Кобейса и С. Мадди и разрабатывалось на пересечении экзистенциальной психологии, психологии стресса и психологии совладающего поведения [1, с. 3].

Исходя из междисциплинарного подхода к данному явлению, Д. А. Леонтьев считает, что жизнестойкость характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности. Такой подход к определению жизнестойкости указывает на ее связь со способами поведения человека в определенных, стрессогенных ситуациях.

Согласно С. Мадди, в состав «жизнестойкости» входят такие компоненты, как вовлеченность, контроль и принятие риска [2, с. 265].

Под вовлеченностью подразумевается уверенность в том, что включенность в происходящее дает максимальный шанс обнаружить нечто стоящее и интересное для личности. Слабая вовлеченность выражается в ощущении себя вне жизни, отвергнутым. Сильная вовлеченность проявляется также и в том, что человек получает удовольствие от собственной деятельности. В формировании этого компонента жизнестойкости решающая роль отводится семье, а именно любви и поддержке со стороны близких.

Следующий компонент, контроль, определяется как убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. В случае сильного развития данного компонента человек ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь. В противоположность этому слабое развитие компонента «контроль» дает ощущение собственной беспомощности. Для развития этого компонента важна поддержка инициативы человека и его желания выполнять задачи все возрастающей сложности.

И, наконец, принятие риска заключается в уверенности человека в том, что все происходящее с ним способствует его развитию посредством знаний, полученных из опыта. При этом опыт может быть как позитивным, так и негативным. Человек, рассматривающий свою жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать при отсутствии гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности. Здесь важное значение имеет окружающая среда, которая должна быть разнообразной, способствуя тем самым приобретению новых впечатлений.

Соответственно, в зависимости от уровня выраженности того или иного компонента в структуре жизнестойкости, формируются стратегии совладания с трудными ситуациями или индивидуальный стиль поведения.

Разработав тест жизнестойкости и проведя с его помощью большое количество исследований, С. Мадди подтвердил, что жизнестойкость является той базовой характеристикой личности, которая опосредует влияние на его сознание и поведение всевозможных благоприятных и неблагоприятных обстоятельств [3].

В современной отечественной психологии предпринимались и предпринимаются попытки целостного осмысления понятия «жизнестойкость». И в большинстве случаев за основу принимается концепция жизнестойкости С. Мадди. Однако, в связи с многоплановостью перевода понятия «hardiness», возникают некоторые проблемы. Большой англо-русский словарь дает следующий перевод данного термина: выносливость, крепость, здоровье, устойчивость, смелость, отвага, неустранимость, дерзость, наглость. Обычно принято понимать hardiness

как «стойкость» или «жизнестойкость». Близкими к этому термину считают такие понятия, как: стилевые закономерности, субъектность, смысл жизни, жизнестойкость, жизнеспособность, личностно-ситуационное взаимодействие, самореализация личности, самоотношение, авторство жизни.

Л. А. Александрова предлагает рассматривать жизнестойкость в контексте совладания с жизненными трудностями как способность личности к трансформации неблагоприятных обстоятельств своего развития, которая лежит в основе совладающего поведения [4, с. 83].

В свою очередь, Е. П. Белинская отмечает, что современные психологические подходы к проблеме преодоления трудных жизненных ситуаций рассматривают совладание как динамический процесс, протекание которого определяется не только характеристиками самой ситуации, а также личностными особенностями субъекта, но и их взаимодействием, которое заключается в формировании комплексной когнитивной оценки, включающей в себя как интерпретацию субъектом ситуации, так и его представления о себе в ней [5, с. 2]. В данном контексте особое значение приобретает личностный смысл ситуации, когда человек способен воспринимать жизненные трудности как возможности.

В последние годы широкое распространение в психологии приобрел ресурсный подход, зародившийся в гуманистической психологии, в рамках которой важное место заняло изучение конструктивного начала личности, позволяющего преодолевать трудные жизненные ситуации.

Так, Э. Фромм выделял три психологических категории, обозначаемых как ресурсы человека в преодолении трудных жизненных ситуаций:

- надежда — то, что обеспечивает готовность к встрече с будущим, саморазвитие и видение его перспектив, что способствует жизни и росту;
- рациональная вера — осознание существования множества возможностей и необходимости вовремя эти возможности обнаружить и использовать;
- душевная сила (мужество) — способность сопротивляться попыткам подвергнуть опасности надежду и веру и разрушить их, превратив в голый оптимизм или иррациональную веру, способность сказать «нет» тогда, когда весь мир хочет услышать «да» [6].

В свою очередь, в качестве одного из компонентов жизнестойкости Л. А. Александрова определяет личностные ресурсы, выделяемые С. Мадди, которые на уровне реализации обеспечены развитыми стратегиями совладания. В качестве второго компонента обозначается смысл, предопределяющий вектор этой жизнестойкости и жизни человека в целом. Как отдельный компонент жизнестойкости Л. А. Александрова выделяет гуманистическую этику, задающую критерии выбора смысла, пути его достижения и решения жизненных задач.

По мнению Н. Е. Водопьяновой, ресурсы — это внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях. К их числу относятся эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессовым трудовым и жизненным ситуациям [7, с. 54].

В соответствии с концепцией С. Хобфолла ресурсы определяются как то, что является значимым для человека и помогает ему адаптироваться в сложных жизненных ситуациях. В рамках ресурсного подхода рассматриваются различные виды ресурсов, как средовых, так и личностных. С. Хобфолл к ресурсам относит: материальные объекты (доход, дом, транспорт, одежда, объектные фетиши) и нематериальные (желания, цели); внешние (социальная поддержка, семья, друзья, работа, социальный статус) и внутренние интраперсональные переменные (самоуважение, профессиональные умения, оптимизм, самоконтроль, жизненные

ценности, система верований и др.); психические и физические состояния; волевые, эмоциональные и энергетические характеристики, которые необходимы (прямо или косвенно) для выживания или сохранения здоровья в трудных жизненных ситуациях либо служат средствами достижения лично значимых целей. Одним из оснований ресурсного подхода является принцип «консервации» ресурсов, который предполагает возможность человека получать, сохранять, восстанавливать, приумножать и перераспределять ресурсы в соответствии с собственными ценностями [8, с. 513].

Разные ресурсы играют различную роль в адаптации человека и преодолении трудных жизненных событий. Л. И. Анциферова считает, что когда человек пытается справиться с теми или иными жизненными трудностями, его активность может быть направлена как на внешние обстоятельства, подлежащие изменению, так и на самого себя. Включаются механизмы психической саморегуляции и механизмы психической адаптации: механизмы психологической защиты и копинг-механизмы. То, какой именно путь преодоления жизненных трудностей выберет та или иная личность, определяется, в частности, ее резервами и ресурсами. Люди, предпочитающие конструктивно преобразующие стратегии, оказываются личностями с оптимистическим мировоззрением, устойчивой положительной самооценкой, реалистическим подходом к жизни и сильно выраженной мотивацией достижения. Люди же, уходящие от трудных ситуаций, прибегающие к механизмам психологической защиты, склонные к «идуущему вниз социальному сравнению», воспринимают мир как источник опасностей, у них невысокая самооценка, а мировоззрение окрашено пессимизмом [9, с. 3].

В ряде исследований А. Бандура показал, что еще одной причиной нарушений поведения может быть отсутствие веры в эффективность собственных действий. Это открытие Бандуры часто называют «теорией самоэффективности». Самоэффективность, или вера в эффективность, означает убеждение человека в том, что в сложной ситуации он сможет продемонстрировать удачное поведение. Вера в эффективность означает оценку собственной очень конкретно обозначенной поведенческой компетентности [10, с. 71].

Конструкт самоэффективности, разработанный А. Бандурой, можно рассматривать как важный ресурс, влияющий на преодолевающее поведение. Это убеждение в человеке подчеркивает способность к «центральной» организации собственных ресурсов, а также способность к получению ресурсов из окружающей среды.

Бандура определяет самоэффективность как убеждения человека относительно ее способности управлять событиями, которые влияют на ее жизнь. Действия индивида в конкретной ситуации зависит от взаимного влияния окружающей среды и сознания, особенно от сознательных процессов, связанных с убеждением, что он может или не может выполнить некоторые действия, необходимые для того, чтобы изменить ситуацию в лучшую для себя сторону. Бандура считал, что убеждения человека относительно его личной эффективности влияют на то, какие действия он выберет, сколько усилий приложит, как долго выдержит, встречаясь с препятствиями и неудачами, насколько большую пластичность проявит по отношению к этим трудностям. Самоэффективность является важной личностной характеристикой и, в сочетании с конкретной целью и знанием о том, что надо делать, может существенно влиять на будущее поведение человека [10, с. 74].

Вызывает интерес и вопрос о том, какими качествами обладает жизнестойкий человек, однако однозначного ответа на него пока нет. Согласно исследованию зарубежных ученых (Pines, 1984; Rutter, 1984; Werner, 1989), выделяют пять

качеств, непременно присущих жизнестойкому человеку: высокая адаптивность, уверенность в себе, независимость, стремление к достижениям, ограниченность контактов.

Жизнестойкость — это база, на основе которой перерабатываются стрессовые воздействия, это катализатор поведения, который позволяет трансформировать негативные впечатления в новые возможности. Жизнестойкость в большой степени связана с выбором одной из альтернатив поведения человека в проблемной ситуации: придерживаться прошлого опыта, стремиться ничего не менять в своей жизни и, наоборот, пробовать новые подходы к решению проблемы, рисковать, развиваться [11, с. 268]. По мнению С. Мадди и других психологов, жизнестойкость является результатом социализации человека, и ее уровень может меняться в любом возрасте, а также под влиянием соответствующих образовательных технологий.

Исходя из этого краткого теоретического анализа, можно сделать вывод, что жизнестойкость личности имеет многоплановую структуру, которая оказывает существенное влияние на поведение человека в трудных жизненных ситуациях. Кроме этого, мы провели небольшое исследование, посвященное определению уровня жизнестойкости в соответствии с концепцией С. Мадди, который рассматривает жизнестойкость как систему убеждений, которая включает три компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска и способствует успешному совладанию с трудными ситуациями. В дополнение к этому мы определили ведущие стратегии поведения в соответствии с концепцией К. Томаса.

Цель исследования: определение выраженности факторов жизнестойкости у различных возрастных групп и их связь со стратегиями поведения. Объект исследования: студенты — 25 человек в возрасте от 19 до 20 лет, менеджеры среднего звена — 25 человек в возрасте от 25 до 35 лет и 25 человек в возрасте 40–50 лет, работающие в области управления человеческими ресурсами.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В группе студентов показатель вовлеченности составляет 63,5%, что соответствует среднему уровню вовлеченности. При этом следует отметить, что молодые люди в большей степени, чем девушки, получают удовольствие от собственной деятельности и чувствуют себя более уверенными. У молодых людей этот показатель составляет 68,1%.
2. Средний показатель контроля в группе студентов имеет не очень выраженный характер — 41,1%. Это обусловлено тем, что в этом возрасте не у всех имеются долгосрочные планы, а трудности преодолеваются при поддержке родителей. Однако 10% респондентов имеют достаточно высокий уровень выраженности этого компонента жизнестойкости, что указывает на их стремление влиять на результаты происходящего, активно участвовать в своем профессиональном развитии.
3. Результаты исследования показали, что молодые люди более склонны рисковать. При этом молодые люди в возрасте 19–20 лет более склонны к риску — 71,5%. Результаты девушек в этом же возрасте несколько скромнее, но также имеют значения выше средних — 63,8%. Это обусловлено тем, что в данном возрасте существует достаточно много интересных возможностей для своей самореализации, а отсутствие опыта позволяет им действовать активно, на свой страх и риск. Можно предположить, что у большинства студентов — участников исследования наблюдается высокий уровень выраженности такого компонента жизнестойкости, как «принятие риска», следовательно, они стремятся к развитию, черпая знания из своего опыта.

4. У респондентов более старшего возраста — 25–35 лет (менеджеров среднего звена) — показатель вовлеченности несколько выше по сравнению со студентами и составляет 65,9%. Этот возрастной период характеризуется повышенным интересом к своей работе, развитию компетенции, а также социальному признанию в обществе.
5. Естественно, повышается и уровень контроля и ответственности за принятые решения. В данной группе он составляет 56,6%.
6. На фоне более высоких показателей вовлеченности и контроля уровень принятия риска начинает снижаться и составляет 53,6%. Люди приобретают новый опыт, и в условиях жестких экономических отношений он не всегда позитивен, что, очевидно, накладывает свой отпечаток на принятие решений в будущем.
7. В группе респондентов в возрасте 40–50 лет наблюдается явная тенденция увеличения вовлеченности — 71,5%. Вполне вероятно, это обусловлено креативным подходом к своей деятельности и жизни вообще.
8. Высокий показатель контроля в данной группе — 75,7% — свидетельствует о том, что человек способен решать стратегические задачи и нести за них полную ответственность.
9. Показатель принятия риска в группе менеджеров в возрасте 40–50 лет составляет 59,3%, что несколько выше, чем в группе менеджеров в возрасте 25–35 лет.
10. Общий уровень жизнестойкости в группе студентов составляет 57,4%. Несколько выше общий уровень жизнестойкости в группе респондентов в возрасте 25–35 лет — 58,7%. И самый высокий уровень жизнестойкости — 68,8% — у менеджеров среднего звена в возрасте 40–50 лет. В соответствии с концепцией С. Н. Паркинсона эта стадия в жизни человека называется периодом авторитета в любой сфере жизнедеятельности человека.
11. Самыми актуальными стратегиями поведения для студентов являются стратегия компромисса и стратегия сотрудничества. Стратегию компромисса выбрали 47%, а стратегию сотрудничества — 24% респондентов. Стратегию компромисса выбрали и респонденты возрастной группы 25–35 лет (45%), но для них также представляет интерес стратегия приспособления. Респонденты в возрасте 40–50 лет тоже предпочитают договариваться на взаимовыгодных условиях — 55%. Незначительный и равный интерес представляют стратегия соперничества и сотрудничества — по 11% соответственно. Стратегия компромисса позволяет получить быстрое решение в любой ситуации и считается достаточно экономичным и эффективным путем, хотя и поверхностным.

Несомненно, в данном кратком исследовании мы лишь затронули проблему значимости жизнестойкости для человека. Данная тема весьма актуальна и требует дальнейшей разработки с целью нахождения механизмов, позитивно влияющих на процесс управления жизнестойкостью, а также нахождения ресурсов, позволяющих совладать с трудными ситуациями и событиями, возникающими в жизни человека.

Система знаний, приемов, навыков, умений обеспечивает комплекс поведенческих возможностей человека, любой навык или знание добавляет стрессоустойчивости человеку, оказавшемуся в трудной ситуации. Можно сказать, что жизнестойкость — это та основа, которая формирует у людей мотивацию, необходимую им для включения в активное социально-экономическое взаимодействие.

Литература

1. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
2. Khoshaba D., Maddi S. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. N 2. P. 265–274.
3. Khoshaba D., Maddi S. Early Antecedents of Hardiness // Consulting Psychology Journal. Spring. 1999. Vol. 51. N 2. P. 106–117.
4. Александрова Л. А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2005. Т. 51. № 7. С. 83–84.
5. Белинская Е. П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования. 2009. № 1. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-belinskaya3> (дата обращения 17.09.2013).
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 175 с.
7. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
8. Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. 1989. N 3. P. 513–524.
9. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных ситуациях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. № 1. С. 3–16.
10. Vandura A. Self-efficacy // Encyclopedia of human behavior / Ed. by V. S. Ramachandran. Vol. 4. New York: Academic Press, 1994. P. 71–81.
11. Карпова Е. А. Интегральный статус жизнестойкости в условиях совладания с трудными ситуациями // Психология безопасности, психологическая безопасность личности: человек и общество: материалы Всероссийской научно-практической конференции (13–14 октября 2011 г., Махачкала) / под общ. ред. М. М. Далгатова. Махачкала: ИП Овчинников, 2011. С. 265–268.

УДК 005.95

А. Ю. Булатецкая**Конфликтологическая подготовка будущих менеджеров
в процессе обучения в вузе:
социально-технологический аспект*****A. Y. Bulatetskaya. Conflictological preparing future managers in the process
of learning at university: social and technological aspect***

В статье рассматриваются социально-технологические аспекты конфликтологической подготовки будущих специалистов по управлению в системе высшего профессионального образования. Представлена трехуровневая модель подготовки менеджеров, позволяющая решить задачи по обучению грамотно-

This article discusses the social and technological aspects of conflictological preparing future managers in the higher education system. It is presented a three-tier model of training managers, allowing to solve the problem of training a literate and competent leader, who is able to construc-

Алена Юрьевна Булатецкая — аспирант кафедры «Философия, социология и психология» Санкт-Петербургского университета управления и экономики.

© А. Ю. Булатецкая, 2013.

го и компетентного руководителя, способного конструктивно управлять конфликтами в современной организации.

Ключевые слова: конфликт, конфликтологическая подготовка, специалист-менеджер, профессиональная деятельность, образовательная практика, интегративный подход.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; (812) 575-02-87; alena.bulatetskay@gmail.com.

tively manage conflict in the modern organization.

Keywords: conflict, conflictological, training, manager, professional activities, educational practice, integrative approach.

Contact details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 575-02-87; alena.bulatetskay@gmail.com.

Современный социум создает сложные условия деятельности управленцев, характеризующиеся высоким уровнем конфликтности профессиональной среды. Знания по конфликтологии необходимы специалистам любого профиля, но особое место они занимают в профессиональной подготовке менеджера. Умение будущего менеджера конструктивно действовать в конфликте, его способность учитывать все особенности конфликтной ситуации, навыки эффективного взаимодействия позволяют ему быть успешным в профессии.

Образовательная среда вуза стала заметно более прагматичной и, к сожалению, менее культурной. На первый план выходят такие задачи вузовского образования, как информатизация, экономическая эффективность учебного процесса, успешная социализация и адаптация будущих специалистов и др. Появление новых целей и ценностей в образовании обусловлено потребностью российского общества в образованных специалистах, но это же общество нуждается и в культурных специалистах, способных к проявлению позитивной мировоззренческой позиции и конструктивной профессиональной деятельности в трудных ситуациях социального взаимодействия. В этой связи встает вопрос о пересмотре теоретико-методологических основ подготовки современного менеджера и практических способов и технологий ее реализации.

На смену уходящей в прошлое основной цели высшей школы — транслировать культурный опыт новым поколениям в виде логически завершенной системы знаний — приходит новая задача: развивать личность студента, а в дальнейшем и профессионала, готовить его к преобразованию социума, к реализации конструктивных моделей социального взаимодействия [1; 2]. Это актуально и для подготовки специалистов-менеджеров.

Актуальность конфликтологии как самостоятельной науки в современных условиях развития общества делает правомерным формулирование понятия конфликтологической культуры личности, которая трактуется как качество личности, проявляющееся в способности решать проблемы и преодолевать противоречия конструктивными способами. Культура конфликта основана на конфликтологической компетентности и грамотности личности, разработке этапов, уровней и содержания конфликтологической подготовки.

Проведенное среди студентов 4–5-го курсов Санкт-Петербургского университета управления и экономики и работающих менеджеров разного уровня социологическое исследование позволило нам выделить не только этапы становления конфликтологической культуры личности, но и уровни сформированности конфликтологической культуры:

- низкий — будущий специалист владеет только теоретическими знаниями по конфликтологии;
- средний — умеет моделировать и анализировать ситуации, применяет теоретические знания на практике;

- высокий — демонстрирует бесконфликтное поведение в различных ситуациях.

Конфликтологическая культура базируется на конфликтологической грамотности и конфликтологической компетентности человека, составляя вместе с ними конфликтологическое образование, конфликтологическую подготовку личности.

Конфликтологическая компетентность — это система научных знаний о конфликте и умений управлять им, целенаправленно развиваемых в процессе специальной подготовки применительно к ситуациям учебного и профессионального взаимодействия субъектов общения (табл. 1).

Таблица 1

Компоненты конфликтологической компетентности личности

№	Компоненты	Содержание
1	Когнитивный	Владение знаниями о сущности, природе, структуре, динамике, стратегиях, видах конфликта и управления им; сформированность интеллектуальных операций анализа, синтеза, сравнения классификации, интерпретации конфликтов; способность к рефлексии во всех ее проявлениях
2	Эмоциональный	Позитивный эмоциональный фон настроения; отсутствие длительных деструктивных эмоциональных состояний (тревоги, паники, отчаяния, страха, агрессии); конфликтоустойчивость; стрессоустойчивость; эмпатия и др.
3	Волевой	Решительность, настойчивость, целеустремленность, асертивность (уверенность в себе), конструктивный нонконформизм
4	Поведенческий	Гибкость поведения, толерантность; коммуникативные и организаторские умения; конкретно-практические умения прогнозировать, диагностировать, предотвращать, регулировать, разрешать, контролировать протекание конфликта в соответствии с контекстом их протекания; конструктивные копинг-стратегии

Содержание конфликтологической культуры личности составляют: культура ценностно-смысловой сферы; культура мышления; культура чувств; коммуникативная культура; культура воображения; осознание контекста [3].

Содержание названных компонентов обусловлено рядом определенных способностей.

Культура ценностно-смысловой личности: развитая рефлексия, способность ценить достигнутое, не поддаваться амбициям, стремиться «быть», а не «иметь», установка на сотрудничество, понимание и принятие личности другого, интернальный локус контроля, установка на сохранение и поддержание здоровья, на продуктивную деятельность.

Культура чувств: способность осознавать конструктивный и деструктивный характер своих переживаний и управлять ими, в частности, преодолевать деструктивные переживания — гнев, агрессию, страх, депрессию; способность проявлять оптимизм, сохранять спокойствие, уравновешенность, эмоциональную устойчивость в проблемных ситуациях, проявить эмпатию, быть толерантным.

Культура мышления: способность рационально анализировать конфликтную ситуацию, формулировать суть проблемы, выделять главное и второстепенное, делать выводы, использовать их в своем поведении.

Коммуникативная культура: способность вербализировать свои и чужие переживания, владение «я-сообщением», техниками бесконфликтного, «асертивного» общения.

Культура воображения: способность актуализировать прошлые образы, весь имеющийся опыт (воссоздающее воображение) и мысленно визуализировать возможное дальнейшее развитие событий (антиципация на уровне представлений, творческое воображение), с помощью которых обеспечивается саморегуляция своего поведения; способность представлять образ и ситуацию конфликта с точки зрения всех его участников.

Осознание контекста соотносится с понятиями «контекстуальная компетентность», «чувствительность к ситуации», «ситуационная проницательность». Аналогичное понятие используют К. Роджерс, Д. Фрейберг [4]. Данная способность проявляется в чувствительности к ситуации, быстроте ориентации в ней, принятии решений с учетом сложившихся обстоятельств.

Предложенный состав компонентов конфликтологической культуры личности не является универсальным, он может быть дополнен и пересмотрен. В частности, культуру мышления, воображения и чувств можно объединить в *когнитивно-эмоциональную культуру*. Отдельно можно выделить *рефлексивную культуру*.

Мы исходим из того, что конфликтологическую культуру менеджера можно рассматривать как интегративную характеристику субъекта управления, содержание которой напрямую зависит как от внутренних (индивидуально-психологических), так и от внешних (социально-психологических) условий жизнедеятельности специалиста по управлению.

Сама категория конфликтологической культуры, сложная и системная по своей структуре, задает необходимость создания в системе профессионального образования в вузовский и послевузовский период специальной образовательной среды, в которой учебный процесс должен носить *междисциплинарный* характер, а содержание учебных курсов должно быть *интегративным*. В такой среде основной фигурой в образовательном процессе является студент, будущий менеджер, осуществляющий в вузе субъектную деятельность — учение. В этом случае субъектное, практико-ориентированное и развивающее личностное профессиональное высшее образование, в частности в аспекте конфликтологической подготовки, становится реальностью.

Процесс усвоения конфликтологических знаний необходимо рассматривать в тесной связи с созданием условий их реального применения. Нам представляется, что усвоение и применение знаний о конфликтах являются частями единого процесса профессиональной подготовки, так как усвоение новой учебной информации, а значит, и новых знаний в максимальной степени возможно только тогда, когда реализуется в практической деятельности специалиста. Сначала это происходит на уровне практической учебной, а затем и профессиональной деятельности и становится значимым для личности, «вписывается» в ее систему ценностей и смыслов.

Достижение высокого уровня развития конфликтологической культуры специалистами по управлению необходимо рассматривать в качестве цели профессиональной конфликтологической подготовки менеджера в вузовской и послевузовской системах образования. Процесс становления и дальнейшего развития конфликтологической культуры специалиста должен осуществляться поэтапно, носить непрерывный, преемственный характер и протекать в интегративном образовательном контексте, цель которого состоит не столько в усвоении теоретической информации о конфликте, а также в формировании умений и навыков управления конфликтом в организации, сколько в развитии соответствующих личностных качеств и свойств специалиста, в создании позитивной системы цен-

ностей и смыслов, направленной на конструктивные взаимоотношения с людьми, в формировании целостной картины мира.

Интегративный подход к конструированию содержания профессиональной подготовки менеджеров в русле конфликтологии помогает успешно решать проблему подготовки специалистов по управлению с высоким уровнем конфликтологической культуры. В русле этого подхода содержание конфликтологической подготовки специалистов-менеджеров понимается как часть профессионального образования, обеспечивающего становление и развитие у студентов конфликтологической культуры на основе интеграции знаний из различных областей науки и практики, приобретения соответствующих умений и навыков, отвечающих за освоение комплекса специальных профессиональных компетенций выпускником вуза и его личностного роста через формирование интегративных качеств личности (социальной адаптивности, готовности к управлению конфликтами в организации, ответственности, креативности и др.).

Профессиональная деятельность специалиста по управлению представляет собой разноплановый, динамичный, стрессогенный и конфликтогенный процесс, связанный со сложностями социального взаимодействия. Конфликтогенность любой профессиональной среды носит объективный характер, что подтверждается социологическим (Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, К. Левин, А. Г. Здравомыслов и др.) и психологическим (З. Фрейд, К. Хорни, Н. Гришина, А. Я. Анцупов и др.) направлениями изучения конфликта [5–9]. Конфликт рассматривается не только как сложное социально-психологическое явление, источник противоречий, но и детерминанта социального развития и изменения социальных систем (В. П. Шейнов, Л. Козер, Д. Скотт и др.) [10–12].

Современному менеджеру необходимо не только грамотно и эффективно реализовывать управленческие задачи в условиях конфликтогенности организационной среды, но и преобразовывать эту среду с целью предупреждения деструктивных конфликтов в организации. Все это наряду с умением эффективно преодолевать собственные личностные кризисы является показателями высокого профессионализма управленца.

Профессиональная деятельность специалистов в области управления непосредственно связана с организационными конфликтами. И здесь необходимы не только знания, раскрывающие механизмы развития и закономерности протекания таких конфликтов, но и практическое владение различными методами урегулирования конфликтов в организациях, технологиями конструктивного разрешения конфликтных ситуаций в трудовых коллективах. Менеджер должен быть готов находиться в эпицентре конфликта и управлять им. Наиболее сложным при этом является определение собственных возможностей в трудной ситуации организационного конфликта.

Человек, вовлеченный в конфликт, чаще всего теряет способность анализировать конфликт и себя в нем со стороны. Специалист-менеджер не имеет такой возможности, тем более что конфликт — это область применения его профессиональных способностей и компетенций.

Чтобы реконструировать сложную социальную реальность, менеджеру необходимы специальные знания, практические навыки и умения по разрешению конфликтов разного рода, готовность изменить поведение, отойти от стереотипов, не относиться к оппоненту в конфликте как к «врагу», требуется также психологическая готовность к личностному изменению.

Образовательный процесс в вузе может быть рассмотрен как первый этап в получении специальных конфликтологических знаний, умений и навыков. Сегодня очевидна потребность в специальной конфликтологической подготовке

будущих менеджеров. Основной проблемой, стоящей перед вузовской и после-вузовской системами образования, является установление методологических предпосылок такой подготовки специалистов по управлению и разработки на их основе ее соответствующего содержания.

С нашей точки зрения, конфликтологическую подготовку менеджеров в вузовской системе образования необходимо вести на трех уровнях: теоретическом; теоретико-прикладном; практическом.

Теоретический уровень включает теоретическое акмеологическое знание, представляет собой теоретический модуль управления конфликтами. На данном уровне приобретаются общегуманитарные, междисциплинарные знания, формируются мировоззренческие ориентации, жизненные ценности, усваиваются нравственные нормы и принципы, которыми руководствуются в профессиональной деятельности.

Таким образом, теоретический уровень конфликтологической подготовки менеджера в вузовской системе образования выполняет ценностно-мировоззренческую функцию формирования профессионального самосознания менеджера.

Теоретико-прикладной уровень представляет собой систему теоретико-прикладных акмеологических сведений, определяет практическую ориентацию и обоснованность профессиональной деятельности менеджера в управлении организационными конфликтами. Именно эти знания обеспечивают успешность в конструктивном разрешении организационных конфликтов и преобразовании конфликтной профессиональной среды.

Они приобретаются в процессе освоения лекционного материала, в деловых играх, тренингах, групповом обсуждении конкретных конфликтных ситуаций, при моделировании и проектировании организационных конфликтов. Отметим, что многообразие форм практического знания и умений на локальном, ситуативном уровне применения требует высокоразвитой рефлексивной способности, которая наиболее полно развивается в научно-исследовательской и проектировочной деятельности менеджеров.

Таким образом, теоретико-прикладной уровень конфликтологической подготовки менеджеров в вузе реализует практическую направленность обучения специалистов по управлению.

Практический уровень подготовки менеджеров способствует приобретению ими практического акмеологического знания, возникающего и функционирующего в процессе реальной профессиональной деятельности, представляет собой индивидуальный социальный опыт управленческой работы в трудных ситуациях социального взаимодействия, в т. ч. и в конфликтах.

Этот уровень конфликтологической подготовки осваивается в основном в системе послевузовского образования специалистов-менеджеров. Практическое знание, рожденное реальной управленческой деятельностью, предполагает формирование личного опыта управления конфликтами в организации, общения в конфликтном взаимодействии, формирования собственной стратегии поведения в конфликте, способность прогнозировать, анализировать и даже при необходимости проектировать реальные конфликты при решении организационных задач.

Личный опыт нуждается в осмыслении и закреплении положительного результата на более высоком интеллектуальном уровне, что способствует возникновению интеллектуального навыка конструктивного поведения в конфликте. Критерием практической применимости знаний о конфликте становится конкретное профессиональное умение управлять им в организации.

При прохождении всех трех уровней конфликтологической подготовки специалист-менеджер:

- приобретает теоретические знания в области конфликтологии;
- овладевает практическими технологиями прогнозирования, профилактики, управления, проектирования конфликтов в организации, минимизации деструктивных форм конфликта;
- формирует профессиональный тип мышления, включающего рефлексивность, методологичность, креативность и т. д.;
- овладевает технологиями психорегуляции, повышения конфликто- и стрессоустойчивости личности в трудных социальных ситуациях;
- соблюдает в своей деятельности профессионально-этические нормы в работе с людьми.

Основными условиями получения таких результатов в процессе подготовки специалиста-менеджера в системе вузовского и послевузовского обучения являются:

- высокая степень интеллектуальной и эмоционально-психологической напряженности учебных ситуаций;
- проведение занятий в форме практического эксперимента;
- использование реальных противоречий и конфликтов в процессе обучения в качестве эмпирического материала для группового обсуждения и учебных дискуссий;
- наработка в процессе практических занятий новых идей, теоретических схем, практических средств диагностики конфликтов и методов их разрешения;
- возможность использования технологий проектирования и прогнозирования управленческих конфликтов на примерах реальных организаций и др.

Сегодня профессиональная конфликтологическая подготовка специалистов по управлению в системе вузовского и послевузовского образования в нашей стране не решает всех вышеперечисленных задач и не отвечает требованиям, предъявляемым к профессии менеджера.

Исследования, проведенные среди студентов старших курсов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» в вузах г. Перми, показали, что 94% респондентов при определении важных профессиональных характеристик менеджера назвали способность эффективно действовать в конфликтных ситуациях, предвидеть и предупреждать возможные конфликты, а также конструктивно разрешать возникшие межличностные конфликты в трудовом коллективе.

Однако 87% опрошенных считают, что их профессиональная подготовка в области конфликтологии недостаточна, 79% хотели бы продолжить изучать конфликтологию в форме тематических семинаров, групповых дискуссий, тренингов и т. д.

Анализ форм и содержания конфликтологической подготовки менеджеров, сложившейся в вузовской образовательной практике г. Перми, показывает, что существует ряд нерешенных проблем, а именно:

- ограниченность и малая эффективность конфликтологической подготовки специалистов-менеджеров в системе вузовского образования, низкий уровень компетентности преподавательского состава в области практической конфликтологии. Обладая обширными научными знаниями в данной предметной области, эффективно действовать в реальном конфликте они не в состоянии;
- неразработанность критериев эффективности конфликтологической подготовки будущих управленцев;
- ограниченность числа академических часов, отведенных на освоение конфликтологии;

- отсутствие связи между конфликтологическими знаниями и реальной жизненной и профессиональной практикой менеджеров и т. д.

Как показало наше исследование, проблемой, сопровождающей процесс внедрения, в частности, новых технологий вузовского обучения в подготовку специалистов, является наличие конфликтофобии (страха перед конфликтами) у большинства участников образовательного процесса. Конфликт не воспринимается как механизм разрешения противоречий, обеспечивающий развитие человека и социальных отношений.

Реальный учебный процесс неизбежно связан с конфликтными ситуациями. Однако очень редки, даже единичны случаи, когда реальный конфликт становится предметом рассмотрения на учебном занятии с применением соответствующих методов анализа и диагностики, группового обсуждения конфликтной ситуации, в процессе которого конфликтующими сторонами на практике осваиваются способы конструктивного разрешения возникшего противоречия.

Анализ образовательной практики по конфликтологической подготовке специалистов-менеджеров убедительно показывает, что имеется необходимость учитывать актуальные нужды профессиональной управленческой деятельности, выстраивать учебный процесс, адаптировать его содержание, методы и технологии обучения в соответствии с заказами реальной управленческой практики. Целевая заданность конфликтологической подготовки менеджеров рассматривается нами в качестве методологического основания, определяющего качество конфликтологической подготовки специалистов-менеджеров.

Таким образом, становление и развитие конфликтологической культуры специалиста по управлению возможны лишь при условии сочетания общекультурной подготовки менеджеров и их целенаправленной профессиональной конфликтологической подготовки в процессе вузовского и послевузовского обучения в русле интегративного подхода. Закономерной является тенденция к конкретизации вузовского и послевузовского образования, к его более тесной связи с профессиональной деятельностью менеджера, т. е. к большей практикоориентированности. Специально организованная конфликтологическая подготовка менеджеров с успехом решает эти задачи, позволяя обеспечить результативность и успешность его деятельности по управлению конфликтами в организации.

Литература

1. *Зиновкина М.* Креативная технология образования // Высшее образование в России. 2009. № 3. С. 101–105.
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. М., 2009. 223 с.
3. *Щербак О. И.* Формирование и развитие конфликтологической культуры специалиста в контекстном обучении // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 3. С. 16–17.
4. *Роджерс К., Фрайберг Д.* Свобода учиться. М.: Смысл, 2002. 527 с.
5. *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс, 1997.
6. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. 380 с.
7. *Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта. М., 1995. 209 с.
8. *Гришина Н.* Психология конфликта. СПб., 2000. 318 с.
9. *Анципов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология: учебник для вузов. М., 1999. 551 с.
10. *Шейнов В. П.* Конфликты в нашей жизни и их разрешение. Минск: Амалфея, 1997.
11. *Скотт Дж.* Конфликты, пути их преодоления. Киев, 1991.
12. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000. 239 с.

А. А. Попов

Программа взаимодействия общественных организаций в сфере повышения эффективности и развития органов местного самоуправления

*А. А. Попов. The program of interaction between public organizations
in the sphere of increasing efficiency and development of local self-government*

В статье изложены механизмы взаимодействия общественных организаций и органов местного самоуправления. Отражена специфика и особенности взаимодействия общественных организаций в сфере повышения эффективности и развития органов местного самоуправления. Проведена зависимость уровня профессионализма общественных деятелей на процесс успешного взаимодействия общественных организаций и органов местного самоуправления. Предлагается авторская программа взаимодействия указанных организаций и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: общественные организации, некоммерческие организации, органы местного самоуправления, программа взаимодействия.

Контактные данные: 302028, г. Орёл, бульвар Победы, д. 5а; (4862) 43-20-31; alexander-alexandrovich-popov@ya.ru.

The article discovers the mechanism of interaction of non-commercial societies with local government authorities. It shows the specificity of interaction of non-commercial societies with local government authorities. The article holds the dependence of the public figures professionalism level on the process of successful cooperation between non-commercial societies and local authorities. The author is offering a special program for interaction of non-commercial organizations with local government authorities.

Key words: public societies, local government, non-commercial organization.

Contact details: Bulvar Pobedy 5a, Orel, Russian Federation, 302028; (4862) 43-20-31; alexander-alexandrovich-popov@ya.ru.

Готовность муниципальной власти к социальному сотрудничеству с общественными организациями выступает основным условием и залогом социальной стабильности в обществе. Непрерывный процесс стабильного общественного развития в России невозможен без решения проблемы взаимоотношения органов власти на местном уровне с неправительственными организациями, представляющими интересы огромного числа населения.

В связи с этим актуальна проблема взаимодействия органов местного самоуправления с общественными организациями, представляющими интересы огромного числа людей. Процесс взаимодействия органов местного самоуправления с общественными организациями нуждается в научном толковании его сущности, в понимании принципов и механизмов взаимодействия местных властей и общественников, а выявленные механизмы нуждаются в их квалифицированном управлении.

Для налаживания эффективных взаимоотношений между общественными организациями и органами местного самоуправления необходимы изменения

Александр Александрович Попов — аспирант кафедры «Социологии и психологии управления» Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Орёл).

© А. А. Попов, 2013.

в системе социальных практик в современном российском обществе, заключающиеся в установлении высокого уровня взаимодоверия, взаимного повышения профессионализма и сосредоточенность на решении проблем местного значения.

Автором на основе анализа российских и западных социологических концепций, результатов социологических исследований установлены факторы стабилизирующей роли взаимодействия между органами местного самоуправления и общественными организациями, необходимого для развития социальной сферы, а также обосновывается механизм повышения роли неправительственного сектора в деятельности местного самоуправления.

Во-первых, современные общественные организации и объединения, при попытке научного социологического анализа, необходимо рассматривать в свете неовиталистской концепции «жизненных сил человека».

С точки зрения социологии жизненных сил человек стал традиционно рассматриваться как высшая ступень развития живых организмов на Земле, субъект общественно-исторического процесса, социальной деятельности. В противоположность другим живым существам человек характеризуется, в конечном счете, продуктом собственной материальной и духовной деятельности со всеми его социальными качествами, индивидуальным и общественным сознанием. Эти понятия в современном социальном знании приобрели на рубеже XX–XXI вв. ключевое значение. В трудах зарубежных (А. Тоффлер, Ю. Хабермас, А. Турен и др.) [1] и отечественных (С. Григорьев, М. Бобров, А. Ковалев, В. Немировский, А. Субетто, И. Фролов, и др.) [2; 3] ученых проблематика человека, естественных и социокультурных, материальных и духовных основ его жизни стала ключевой.

Исходными понятиями рассматриваемой теории выступают категории «жизнь», «жизненные силы», «человек», «жизненное пространство» человека как биопсихосоциального существа, субъекта общественных отношений. Взаимозависимость, взаимодействие данных явлений и понятий составляют фундамент системы социологического знания, изложенного в категориях социологии жизненных сил человека.

Оперируя данными понятиями, можно построить логическую цепочку, выстраивая категории вышеупомянутой парадигмы по степени их значимости для конкретного индивида: «человек», ориентируясь на конечную цель «жизнь», имея определенный запас «жизненных сил», преобразует «жизненное пространство» вокруг себя. Если перевести данные категории в плоскость деятельности общественных организаций, мы получаем следующую формулу: «конечная цель — общество, жизненные силы» — это потенциал общественных организаций, жизненное пространство — «это область проблем местного значения».

Во-вторых, общественные организации играют важную роль в деятельности органов местного самоуправления ввиду реализации ими новых социальных функций: ослабления социальной напряженности в обществе, изменения характера отношений между гражданами и государством, адаптации населения; отбора активных индивидуумов и внедрения новых социальных практик. Одним из механизмов повышения эффективности деятельности общественных организаций в развитии местного самоуправления является закрепление и воспроизводство общественными организациями особого типа общественных отношений, основанного на сотрудничестве и социальном партнерстве [4].

Однако результаты социологических исследований по проблеме потенциала «жизненных сил» общественных организаций говорят о том, что общество не верит в способность общественных организаций решать масштабные за-

дачи и само не готово бороться за абстрактные понятия защиты прав и свобод гражданина [5].

Уровень активизации и самоорганизации населения в изучаемых регионах ограничен решением вопросов местного значения. К тому же экспертное сообщество не видит перспектив самоорганизации населения «снизу», а государство не предпринимает попыток консолидировать общество вокруг насущных проблем, деятельность органов местного самоуправления напрямую зависит от государственной политики в этой области.

Перспективы существования и эффективной деятельности общественных организаций исключительно зависят от общественников-профессионалов, самостоятельно приобретающих авторитет как среди населения, так и среди местных органов власти.

Научная новизна исследования заключается в нескольких аспектах. Во-первых, на основе вторичного анализа результатов социологических исследований автором предложен ряд переменных, доступных для социологического анализа в системе взаимоотношений «общественная организация — местное самоуправление»: оценка деятельности, фактическое изменение деятельности за определенный промежуток времени, желание населения принимать участие в работе по решению вопросов местного значения, удовлетворенность отдельными элементами самоуправления, оценка степени доверия, информированность о деятельности, оценка степени возможности общественных организаций и органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения; способов влияния местного населения на деятельность органов местного самоуправления, определение социальных приоритетов, выявление факторов пассивности населения в отношении деятельности местных общественных организаций и местного самоуправления и принятия участия в решении вопросов и проблем местного значения, оценка инициативы граждан в осуществлении местного самоуправления [6].

Во-вторых, на основе выявленных переменных автором проведено эмпирическое исследование (качественное и количественное измерение) доступных наблюдению индикаторов: мотивов, приоритетов, оценок удовлетворенности и неудовлетворенности, качество работы, степень доверия, факт информированности, предпочтения, инициатива.

В-третьих, в результате социологического анализа полученных индикаторов, при помощи средств разработанного авторского инструментария, были выявлены следующие проблемные аспекты взаимоотношений в системе «общественная организация — местное самоуправление»:

- низкая информированность населения о существовании конкретных общественных организаций, о целях и задачах их создания, а также об их деятельности и результатах этой деятельности;
- малая эффективность деятельности общественных объединений;
- низкий уровень вовлеченности населения в деятельность НКО, управление муниципальной единицы, решение вопросов местного значения и проявление нежелания участия в подобной деятельности;
- неопределенность в степени доверия к активистам общественных организаций, к самим организациям и их деятельности;
- незаинтересованность государственных структур в деятельности НКО, неоднозначность в оценках их деятельности, неопределенность властей в вопросе взаимодействия с членами НКО;
- неспособность государства быстро реагировать на возникающие проблемы в обществе, связанная с ней неоперативность реагирования на помощь общественникам в решении подобных проблем;

- несовершенство законодательства, регулирующего деятельность общественных организаций в части взаимодействия структур местного самоуправления и общественных организаций;
- фактическое отсутствие института независимых СМИ;
- отсутствие экономических механизмов поощрения коммерческих структур и частных лиц их участия и помощи некоммерческому сектору;
- непроработанная система менеджмента и управления в муниципальных структурах, выражающаяся в отсутствии специальных отделов, занимающихся взаимодействием с представителями НКО.

В связи с изложенным автором предложена эффективная модель взаимодействия между органами исполнительной власти и общественными организациями. Данная модель представлена в виде программы, в которой выделены ее цель, актуальность, разработаны задачи программы, предложены адресаты программы, разработаны этапы ее осуществления.

Данная программа направлена на создание эффективных механизмов учета потребностей и интересов жителей, обеспечения их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики, формирование механизмов общественного контроля за деятельностью органов государственной власти города, развитие институтов гражданского общества и становление общественного самоуправления [7].

Предполагается, что данная программа должна стать основой для согласования общественно значимых интересов жителей города, негосударственных некоммерческих организаций, бизнес-сообщества и государственной власти в целях решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития. Таким образом, системная проблема, решаемая с помощью реализации данной программы — это оптимизация организационно-правовых форм взаимодействия общественных организаций и власти на основе межсекторного социального партнерства, а также взаимного повышения уровня образования и квалификации служащих [8].

Адресатами программы должны стать общественные объединения, в т. ч. созданные с участием государства, и иные негосударственные некоммерческие организации, за исключением политических партий, профсоюзов и религиозных организаций; местные жители; органы государственной власти и местного самоуправления; государственные и муниципальные некоммерческие организации; бизнес-сообщество.

Целью программы является создание условий для внедрения эффективных социальных моделей и технологий, обеспечивающих партнерство, сотрудничество и взаимодействие некоммерческих организаций и органов государственной власти в решении задач социально-экономического и общественного развития города, что в конечном итоге приведет к повышению качества жизни горожан, защите их прав, свобод и законных интересов.

Данная цель реализуется в процессе решения конкретных задач по следующим направлениям деятельности:

1. Совершенствование механизмов участия НКО в выработке решений органами государственной власти и местного самоуправления.
2. Совершенствование нормативной и правовой базы, регулирующей взаимодействие общественных объединений и некоммерческих организаций с органами государственной власти и местного самоуправления.
3. Развитие городской инфраструктуры по работе с общественными объединениями и некоммерческими организациями.
4. Развитие механизмов взаимодействия НКО со средствами массовой информации.

5. Разработка и внедрение современных информационных и телекоммуникационных технологий в практику работы общественных объединений и некоммерческих организаций (создание современной технологической среды, соответствующей требованиям информационного общества в сфере взаимодействия НКО и власти).
6. Повышение эффективности управления НКО и совершенствование экономических механизмов.
7. Кадровое обеспечение деятельности общественных объединений и некоммерческих организаций, повышение уровня профессиональной компетентности руководителей НКО, а также специалистов органов государственной власти и местного самоуправления.

Результатами реализации сформулированной программы должны стать: эффективное развитие социальной сферы и оперативное решение социальных проблем. Практическая значимость предложенной программы обусловлена содержанием предложений и рекомендаций по формированию эффективной системы взаимодействия между местными органами власти и неправительственными организациями в виде разработки концепции взаимодействия общественных организаций с органами государственной власти и местного самоуправления.

Предложенные рекомендации могут быть использованы в разработке нормативно-законодательной базы по развитию эффективного партнерства между местными органами власти и неправительственными организациями, в деятельности неправительственных организаций, вступающих в социальное партнерство с государственными органами власти на местах.

Литература

1. *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
2. *Григорьев С. И., Демина Л. Д., Ростов Ю. Е.* Жизненные силы человека. Барнаул, 1996.
3. *Григорьев С. И.* Основы виталистской социологии XXI века. М.: Гардарики, 2007.
4. *Михайлова В. В.* Некоммерческие организации (НКО) как субъект социального партнерства в сфере социального обслуживания населения: современные проблемы и перспективы деятельности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н/Новгород, 2007.
5. *Мерсиянова И. В.* Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2011.
6. *Алексеенок А. А.* Поиск взаимозависимостей и классификация объектов эмпирического социологического исследования // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010.
7. *Игнатова Т. В.* Социологический мониторинг в системе муниципального управления: вопросы теории и практики // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4.
8. *Проказина Н. В.* Социальный генезис системы образования государственных и муниципальных служащих. Орел: Изд-во ОРАГС, 2007.

В. Т. Сейсяни

Система российского образования как один из факторов влияния на молодежные субкультуры

V. T. Seysyani. System of Russian education as one of the factors of influence on youth subcultures

Статья посвящена рассмотрению процесса возникновения субкультуры в России, ее специфическим особенностям. Раскрыто понятие молодежной субкультуры. Уделено особое внимание российскому образованию как основополагающему базису формирования молодых людей, их социализации и отношению к обществу. Выявлены причины формирования молодежной субкультуры в России.

Ключевые слова: молодежная субкультура, формирование личности, особенность молодежных субкультур в России, причины возникновения субкультур, российская образовательная система.

Контактные данные: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67; (846) 269-64-44; rectorat@pgsga.ru.

Article is devoted to consideration of the process of subculture emergence in Russia and its specific features. The concept of youth subculture is opened. The special attention to Russian education, as to fundamental basis of formation of young people is paid, to their socialization and the relation to society. The reasons of formation of subculture in Russia are established.

Keywords: youth subculture, formation of the personality, feature of youth subcultures in Russia, the reasons of emergence of subcultures, the Russian educational system.

Contact details: M. Gor'kogo Str. 65/67, Samara, Russian Federation, 443099; (846) 269-64-44; rectorat@pgsga.ru.

Глубокие социально-экономические преобразования, происходящие в российском обществе, обусловили смену идеологических и ценностных ориентиров, играющих значительную роль в духовном формировании молодежи. Все более заметно объективируются процессы, связанные с реалиями как самой жизни, так и с проникновением в сознание негативных черт: сомнительных духовных ценностей, тотальной социальной апатии, роста преступности, экстремизма, нравственной деградации личности. Честь, совесть, долг, доброта, любовь, уважительное отношение к людям, терпимость и взаимопонимание — это далеко не полный перечень тех человеческих качеств, которые стали дефицитом для нашего общества. Отмеченное делает весьма актуальным проблему культурного воздействия на современную молодежь, на ту непосредственную «среду ее обитания», какой является субкультура.

Содержание любой культуры оказывается своеобразной мерой человеческого в человеке и рельефно характеризует его как общественное существо. Как таковая культура предполагает совокупность духовно-нравственных ценностей, природа которых весьма многообразна и зависит от многих социальных факторов. В любой культуре можно выделить ее нормативный уровень — совокупность высших ценностей (социальные, нравственные, эстетические, религиозные и др.), способных возвышать людей над их повседневными интересами и заботами, придавать

Вахтанг Тариелович Сейсяни — аспирант кафедры «Философия, политология и социология» Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара).
© В. Т. Сейсяни, 2013.

смысл их жизни и тем самым превращать их в субъекты культуры. Следовательно, овладевая ценностями культуры, человек формирует внутренний облик, наполняет свою самость духовным содержанием.

Молодежь представляет ту часть общества, для которой характерен максимализм и критичность (не только по отношению к себе, но и ко всем другим), обостренное чувство справедливости, меньший конформизм, большая открытость всему новому, коммуникабельность, мобильность, повышенная энергетика (которая так важна для свершения трудных дел). Заметим, что именно молодежь всегда соответствует современности и ее проблемам, потому что как никто она сопричастна с нею. Причем если раньше молодежь ограничивалась простым усвоением того, что им передавало старшее поколение, то сегодня этого недостаточно. Наряду с устоявшимися типами поведения и традициями молодым людям необходимо создавать и свой ценностный мир, а это требует напряженной интеллектуальной работы, навыков самостоятельной творческой деятельности. Отсутствие этого нередко ведет к пренебрежению правилами и нормами коммуникации, а в условиях вседозволенности формирует беспринципные установки поведения, появление новых конфликтов в обществе.

Очевиден тот факт, что с конца 80-х годов XX в. начинается процесс резкого снижения ценностей духовной культуры в российском обществе: искажение исторически сложившейся общечеловеческой, национальной иерархии этических и эстетических идеалов. В частности, фундаментальное значение народного и духовного искусства, классики, реализма средства массовой информации государственного, кооперативного и частного типа пытаются умалить, уделяя при этом основное внимание пропаганде масскультового, авангардистского искусства и моды, не содержащих зачастую позитивного мировоззрения и фальсифицирующих коренные этико-эстетические ценности, такие как истина, добро, красота, гуманизм [4, с. 113–117].

В результате частно-групповые эстетические ценности получают несоизмеримое представительство в массовом сознании. Не случайно в настоящее время эскапистско-развлекательная тенденция превратилась в постоянное культивирование «массовой культуры».

С социально-психологической точки зрения экранное насилие вносит свой вклад в криминализацию современной жизни, негативно влияя на детей, подростков и молодежь. Как показывает социальная практика, в настоящее время народное, духовно-классическое и современное академическое искусство, включая и литературу, не имея государственной поддержки, становится элитарным. В результате в широкой социальной среде разрушается нормальная, общечеловеческая иерархия разновидностей, жанров и качества искусства, разрушаются дух и сущность истинной культуры, а самое главное — культуры новых поколений [5, с. 167]. Безнравственное и агрессивное искусство распространяется и вносит свой негативный вклад в духовно-психологический климат современного общества. П. Сорокин справедливо отмечал: «Обобщая, можно сказать, что современное искусство есть преимущественно музей социальной и культурной патологии. Покамест оно искусство поношения и унижения человека, подготавливает почву для своей же собственной гибели как культурной самооценности» [7, с. 456]. К сожалению, это вполне относится и к современному искусству в России, пережившему антикатарсический период [6, с. 116–122].

Такая ситуация непосредственным образом оказывает тлетворное влияние на формирование сознания индивида. Указанные процессы, происходящие в современной реальности, с одной стороны, служат благоприятной почвой для формирования социальных «групп риска», склонных к вторичной девиации (наркома-

нии, алкоголизму, преступности и т. д.), «общественной деградации», а с другой — порождают экстремизм различного типа. Следует постоянно помнить, что «голое» отрицание старых ценностей провоцирует цинизм и апатию, чему способствует и быстро меняющаяся под влиянием научно-технического прогресса и технизации общества жизнь.

Для характеристики процессов, происходящих в жизни современного общества, широко используется понятие *субкультура*. Под молодежной субкультурой понимается культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей, стереотипов [8, с. 103–109]. Определяющей характеристикой этого явления является феномен субъективной размытости, неопределенности, отчужденности от основных нормативных параметров. Субкультура отражает культурную неоднородность общества и фиксирует отличие идейных ориентаций, духовных устремлений конкретной группы людей от доминирующих стандартов. Позиция отчуждения в его экзистенциальном преломлении просматривается как в отношении к социуму, так и в межгенерационном общении, в контркультурной направленности молодежного досуга [10, с. 91].

Молодежную субкультуру в широком смысле можно рассматривать как своеобразный вариант альтернативной культуры, так как она своими идеалами и ценностями не просто отрицает сформировавшуюся культурную идентичность, но разрушает ее, заменяя новыми формами и образцами.

Субкультура (отличаясь от нормативной культуры данного общества) не обязательно вступает с ней в конфронтацию или претендует стать доминирующей. Внутренняя градация культуры позволяет говорить не только о нормативном ее представлении, но и о ее «подвидах» — субкультурах, которые связаны с особенностями жизненного уклада различных социальных групп. Это разнообразие включает и *контркультуру*, в которой ориентиры определенной субкультуры приходят в противоречие с общепринятыми ее нормативными положениями. Иначе ориентиры способны перерасти в контркультуру, когда в них намечается протест против существующих культурных норм и стремление заменить их.

Отличие субкультуры от контркультуры не всегда можно установить с достаточной определенностью: некоторые виды субкультуры враждебны принятой культуре общества, но не выходят за пределы определенной среды. Так, криминальный мир обладает своей субкультурой — ценности, нормы, язык и даже своя «художественная культура» (блатные песни, татуировки). Эта разновидность чужда и враждебна нормативной культуре общества, оставаясь значимой для асоциальных групп. С другой стороны, контркультура нередко становится характеристикой инновационных процессов в мире ценностей, условием зарождения новых духовных феноменов.

Следовательно, стихийное формирование молодежных субкультур, которые отличаются специфическим набором ценностных ориентаций, с учетом различных факторов нередко становится деструктивным или конструктивным социально-духовным процессом и, соответственно, по-разному влияет на развитие общества. Знание особенностей становления, характера развития и сегодняшнего состояния молодежных субкультур, а также разнообразия способов и механизмов их идентификации позволяет дать объективную картину современных социальных процессов и найти выход из имеющегося кризиса.

Интересно отметить и тот аспект, в котором выступает *массовая культура*. Она представляет собой коммерческий вид культуры, рассчитанный на огромные аудитории и получение прибыли. Отсюда ее связь с современными средствами массовой коммуникации, которые представляют широкие возможности быстрого

распространения информации. Кино, радио, телевидение, пресса, Интернет, мобильные телефоны стали мощными средствами культурного воздействия на массы. Все эти технические каналы тиражирования элементов культуры, распространения их на миллионные аудитории становятся носителями информации, оказывающей на людей как позитивное, так и негативное воздействие.

Субкультуры возникают в значительной степени стихийно и нередко противостоят нормативной культуре. В результате появляется проблема соотносительности молодежных субкультур с нормативной формой культуры, которая олицетворяется всей системой образования и воспитания в данном обществе. Субкультура как социальный феномен характеризуется многочисленными аспектами, которые по-разному отражают и взаимодействуют с общественной культурой как целостностью.

Как отмечает Дюркгейм, «включаясь в общество, стоящее над человеком, молодежь обладает в нем заведомо низким социальным статусом» [1, с. 55]. Поскольку во всех обществах понятие старшинства имеет помимо возрастного еще и социально-статусное значение, молодежь страдает от неравенства социального положения прежде всего по сравнению с взрослыми [там же, с. 58]. Занимая ведущие позиции в социальной структуре общества, взрослые обладают достаточными возможностями для ограждения собственного статусного положения и оттеснения нежелательных конкурентов из числа молодых.

Психологами выделено несколько групп факторов агрессивного поведения молодежи: *биолого-генетические, индивидуально-психологические особенности личности, специфика воспитания, роль средств массовой коммуникации* [2, с. 401–406]. Думается, помимо этих факторов, можно указать и другие причины, порождающие эти угрозы: 1) постоянный рост экономического неравенства; 2) исторически и ситуационно обусловленные социальные и национальные противоречия; 3) несовершенство законодательной базы; 4) слабое функционирование правоохранительной системы; 5) неэффективность прежних ценностных идеалов при несформированности новых.

В российской действительности с учетом ее специфики, помимо указанных причин, следует выделить *отсутствие в стране условий, стимулов и культурных навыков для равного участия всех граждан в свободной социальной конкуренции на рынке труда и таланта*. Это ведет к разочарованию существенной части населения в эффективности законных способов обретения социальных благ, к массовой маргинализации и криминализации индивидов, росту социального недовольства, временно носящего сравнительно неорганизованные формы, а в целом — к угрозам национальной безопасности всего российского общества.

Решающим фактором влияния на молодежные субкультуры выступает система образования как канал «целенаправленного внесения» в сознание подрастающего поколения приоритетных моральных, эстетических, духовных ценностей, составляющих содержание нормативной культуры общества. Недоценка духовно-нравственного аспекта в процессе воспитания молодого поколения, особенно в рамках государственной образовательной деятельности, может привести к дезорганизации как социальной структуры, так и общественной жизни в целом [9, с. 97].

Образовательная система представляет социальный институт, который не только осуществляет цивилизационную преемственность поколений, но и несет в себе основные компоненты нормативной культуры переживаемого времени, становится решающим условием формирования личности. Поэтому в наши дни от молодого человека требуются не только профессиональные знания, но и уме-

ние раскрывать себя через многообразные межличностные отношения на культурном и субкультурном уровне. Эта особенность процесса обучения представляет существо перехода от технократической к антропоцентрической образовательной стратегии.

Исторически в российской образовательной системе сложились три уровня духовно-рационального воздействия, которые определяются начальным, средним и высшим образованием. А дидактическая содержательность этих уровней, по существу, характеризуют объективные предпосылки формирования личности. Все уровни выполняют общественный заказ, т. е. они приспособляют к требованиям нормативной культуры подрастающее поколение через его общеобразовательную и профессиональную подготовку, тем самым выполняют функцию духовного формирования личности, ее воспитания. В ходе образования личность наполняется тем идейно-нравственным содержанием, которое способно стать основой определенной субкультурной среды.

Значимым становится соответствующий культурно-информационный материал, без которого невозможно полноценное формирование личности, поскольку нравственное и гражданское содержание последней является столь же важным результатом образовательного процесса, как и овладение профессиональным и общеобразовательным знанием.

И если рациональный компонент содержательности индивида достаточно полно формируется через изучение широкого спектра научных дисциплин, то эмоционально-волевая сфера личности не может жестко детерминироваться структурой образовательного процесса. Жизненные и бытовые ценности, имеющие значительный социокультурный и воспитательный потенциал, этическое содержание которых доставляло бы субъекту эмоциональное удовольствие, становятся важнейшей задачей воспитательной стратегии на современном этапе.

Последнее делает ее важным резервом повышения эффективности учебного процесса, в котором определяющее место принадлежит социально-общественным дисциплинам и искусству. Осознать их место в содержании общего образования значит решить одну из ключевых проблем модернизации последнего: ориентацию на антропоцентрическую культуру и формирование инновационной личности. Следовательно, современное образование имманентно должно связываться не только с наукой, но и с гражданственностью и искусством.

Отмеченные аспекты функциональной двойственности процесса обучения взаимосвязаны. Забвение эмоционально-волевого компонента образования приводит к потере значимых духовно-нравственных ценностей и социальных ориентиров, превращает молодого человека в «объект» стихийно существующих субкультурных тенденций. Абсолютизация рационального компонента профессиональной подготовки ведет к нигилизму, утрате интереса к политической и гражданской активности, к превращению личности в бюрократическую или отвлеченно-альтруистическую фигуру, не способную к каким-либо творческим действиям или поискам. Иначе говоря, это способствует стихийному формированию той или иной субкультуры, которая нередко может противостоять нормативной культуре.

Таким образом, современная деятельность предъявляет индивиду не только рационально-творческие требования, но и не менее значимые духовно-нравственные и политико-гражданские, так что инновационный поиск личности становится неотделим от его же социально-нравственной оценки. На наш взгляд, последняя всегда должна соответствовать масштабу и широте рационально-творческого поиска. И если мы желаем создать систему образования, нацеленную на инновационный поиск нестандартных решений в производственной, финансовой, тор-

говой или иной сфере общественной деятельности, то столь же важно найти *адекватную* этой системе форму идейно-духовного содержания, тем самым содействовать формированию таких субкультур, которые наиболее полно «согласовывались» с общепринятыми канонами. Ведь в рамках образовательной системы доминируют элементы нормативной культуры, которые «привносятся» в учащегося. А в пространстве субкультуры определяющим становится сам молодой человек, «модифицирующий», «отбрасывающий», «утверждающий» и т. п. Эти элементы и «создающий» свой стиль общения, отношения и пр.

Столь же верно и обратное: чтобы выработать у индивида высокую рационально-логическую культуру и активную гражданскую позицию, важной предпосылкой должны выступать его готовность к учебе, решимость, твердость воли и характера, чувство ответственности и другие нравственные ценности. Такие предпосылки могут быть «взяты» только из субкультурного содержания, которые способны развиваться в рамках нормативной культуры. Вышеотмеченное соответствие, «согласованность» имеет существенное значение для формирования действительно гармоничной личности.

Итак, логико-рациональный компонент образования должен быть «дополнен» адекватным ему социально-общественным и духовно-нравственным содержанием. Заметим, что, подчеркивая значимость своеобразной «триады» образовательного процесса, мы не ставили вопроса об их конкретизации и переводе в плоскость содержательного дидактического наполнения. Это особая и достаточно емкая задача. В статье анализируются лишь стратегические составляющие процесса образования как необходимого и достаточного условия формирования инновационной личности.

С этой точки зрения наше время характеризуется глубокой переоценкой природы образовательного фактора, углублением гуманитарной сферы образования, «наполнением» последнего соответствующим духовно-нравственным содержанием, которое включало бы в себя высочайшие ценности человеческого духа. Только в такой гармонии образовательная система способна «выдать» полноценную личность, готовую решать широкий спектр задач социально-производственного характера. Поэтому, на наш взгляд, только привлечение широкого исторического, политического и культурного материала с явно выраженным пафосом силы и мощи человеческого духа способно стать тем духовно-нравственным материалом в формировании личности, благодаря которому по плечу станут отмеченные задачи научно-технического возрождения Отечества.

Радикальные изменения отечественного образования (в связи с Болонской конвенцией) не имеют альтернатив и являются жизненной необходимостью при сегодняшнем положении страны, гарантией сохранения интеллектуального потенциала и культурных традиций.

Образование должно быть такой системой, которая «создает» не только ученика, «наполненного» знаниями, но и умеющего воплощать их в реальность, понимать особенности не только нормативной культуры своего общества, но и чувствовать специфику окружающего его социального бытия, представляющего в виде его субкультурных элементов. Применительно к личности такая парадигма означает, прежде всего, способность *мыслить и действовать*. Эти качества становятся важными условиями самоопределения индивидов, превращения их единичных действий в целостный социально значимый акт, сущность которого предстает воплощением духовно-культурного содержания данного исторического времени.

Развивающая роль образовательного пространства в формировании и функционировании молодежной субкультуры может стать подлинной и многоаспектной, что, безусловно, повлияет на формирование молодых людей как истинных субъ-

ектов выбора профессионального, жизненного пути, субъектов личностно-профессионального развития, самосовершенствования [3, с. 124–127]. В настоящее время важны не только теоретические разработки по проблеме «молодежные субкультуры», важен переход к практической работе и сотрудничеству с молодежью. Разрешение противоречия между пониманием важности осуществления этой практической задачи и недостаточным вниманием к молодежным проблемам позволит найти такие формы взаимодействия с молодежью, которые способствовали бы использованию ее творческого потенциала, стремления к самостоятельности, самоутверждению, активности в поисках идеалов и своего места в современном обществе.

Литература

1. Дюркгейм Э. Норма и отклонение // Рубеж. 1992. № 2.
2. Маслоу А. Мотивация и личность // Психология личности. Самара: Бахрах, 1999. Т. 1. С. 401–416.
3. Мосиенко Л. В. Молодежная субкультура в образовательном пространстве вуза // Фундаментальные исследования. 2010. № 9. С. 124–127.
4. Семенов В. Е. Социальная психология искусства. Л., 1988.
5. Семенов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация. СПб., 1995.
6. Семенов В. Е. Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 116–122.
7. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
8. Шмелев А. А. Молодежные культурные и социальные движения в России // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 103–109.
9. Сидоров В. Г., Сидоров А. Г., Хоровинников А. А. Молодежная субкультура и современное образование в России // Межкультурный диалог и межкультурная дистанция в истории и современности: материалы открытого регионального научного форума. Самара, 2007.
10. Сикевич З. В. Молодежная культура: за и против. Л., 1990.

В. М. Боер, П. П. Глущенко

Юридическая сущность института правозащитной деятельности

V. M. Boer, P. P. Glushchenko. The legal essence of the human rights activities Institute

Статья посвящена показу роли и места принципов механизма правозащитной деятельности — правовой основы и содержания государственно-правовой защиты конституционных прав и свобод граждан. В ней акцентировано внимание на взаимосвязи взаимодействия общеправовых межотраслевых, отраслевых и специальных принципов российского права, показаны пути и направления повышения их эффективности.

Ключевые слова: законодательство, правовое государство, органы государственной власти, правозащитная деятельность, правонарушение, правоотношение, юридическая ответственность, государственно-правовая защита, правовая культура, правовая политика, правовая жизнь.

Контактные данные: 196135, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 14; (812) 708-59-06; boer@guap.ru.

The article is devoted to the role and place demonstration of the mechanism of human rights activities principles as the legal framework and content of the state-legal protection of constitutional rights and freedoms of citizens. It focuses on the relationship of law intersectoral, sectoral, and special principles interaction of the Russian law and it shows the ways and directions of their efficiency increasing.

Keywords: legislation, legal state, public authorities, advocacy, offence, relationship, legal responsibility, state-legal protection, legal culture, legal policy and legal life.

Contact details: Lensovet Str. 14, St. Petersburg, Russian Federation, 196135; (812) 708-59-06; boer@guap.ru.

Виктор Матвеевич Боер — проректор по учебной и воспитательной работе, декан юридического факультета, заведующий кафедрой «Информационное право и правоведение» Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Глущенко Петр Петрович — руководитель магистерской программы «Правозащитная деятельность» Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный адвокат России, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

© В. М. Боер, П. П. Глущенко, 2013.

Под принципами права традиционно понимаются основополагающие идеи, руководящие начала, характеризующие единство и основные тенденции развития правовых норм, регулирующих соответствующую сферу общественных отношений. Общая теория права признает наличие трех уровней правовых принципов: а) общеправовых, б) межотраслевых и в) отраслевых. Общеправовые в подавляющем большинстве преломляются в отраслевых и реализуются через конкретные нормы определенной отрасли. В эту категорию принципов следует отнести: принцип равноправия граждан; принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека; принцип социального государства; принцип правового государства; принцип гуманизма и справедливости. Все они закреплены Конституцией Российской Федерации.

Общеправовой принцип равноправия граждан означает, что социальными и правовыми гарантиями вправе пользоваться граждане вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

Принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод граждан как общеправовой реализуется в сфере государственно-правовой защиты посредством возникновения прав, свобод и интересов человека на основе закона, отсутствия зависимости их объема и реализации от усмотрения каких-либо органов или должностных лиц, а также через возложение на государство обязанности развивать, защищать и совершенствовать систему социально-правовых гарантий населения.

К межотраслевым принципам права следует отнести универсальность, всесторонность, доступность. Универсальность — это своеобразное преломление общеправового принципа равноправия и справедливости. Принцип всесторонности относительно социально-правовых гарантий означает, что необходимые гарантии предоставляются во всех случаях, когда возникает соответствующая, признаваемая обществом потребность. Реализация принципа доступности очень многогранна. Так, для приобретения права на пенсию по возрасту на общих основаниях достаточно иметь соответствующий полу возраст и трудовой стаж.

К отраслевым принципам относятся: принцип социального обеспечения за счет государственных и общественных фондов, принцип гарантированного соответствия размеров обеспечения сложившемуся уровню потребностей и возможностей государства.

Институт государственно-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан имеет свою правовую базу, основу, т. е. свои специфические принципы. К их числу, с нашей точки зрения, следует отнести:

- принцип законности обращения к защите прав, свобод и законных интересов граждан;
- принцип государственного признания правомерности и актуальности института государственно-правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан;
- принцип добровольности использования механизма государственно-правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан;
- принцип разумности и объективности оценки значимости, эффективности института государственно-правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан;
- принцип ответственности за отступление от порядка и правил осуществления правовой защиты прав, свобод и интересов граждан;
- принцип гласности использования права обращения граждан к государственно-правовой защите;

- принцип презумпции правомерности граждан требовать предоставления им полагающихся прав, свобод и интересов.

Ведущим принципом государственно-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан, конечно, является принцип законности. Во-первых, потому, что он является базовым вообще для права и не только национального, внутригосударственного. Во-вторых, данный принцип является показателем истинности законов, их соответствия так называемым международным стандартам. В-третьих, без его соблюдения все остальные принципы фактически не исполняемы, не реализуемы. Принцип законности государственно-правовой защиты означает, что любые действия, направленные на реализацию прав, свобод и интересов граждан, восстановление либо их защиту в случае нарушения, обязаны быть согласованы с действующим законодательством; национальным и международным. Принцип законности означает, что реализация, восстановление и защита прав, свобод и интересов должны осуществляться согласно порядку и правилам, установленным законами и подзаконными актами. Принцип законности требует единообразного понимания и применения способов, средств и методов государственно-правовой защиты на всей территории России, без каких-либо изъятий. Принцип законности такой защиты не признает никаких видов и форм целесообразности, ибо она является антиподом законности, позволяющая скрыть, обосновать любое беззаконие, неуважение к праву, свободе, интересу граждан. К сожалению, под ее прикрытием были допущены злодеяния в бытность Советского Союза, уничтожен сам Советский Союз.

Принцип законности государственно-правовой защиты означает доступность каждому гражданину возможности восстановления и защиты его нарушенных прав и интересов посредством обращения в соответствующие компетентные органы: административные, правоохранительные, национальные и международные правозащитные инстанции. Принцип законности государственно-правовой защиты требует от лиц, к ней прибегающих, взаимного уважения прав, свобод и интересов той стороны, по отношению к которой она применяется. Принцип законности государственно-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан, как об этом уже упоминалось, является конституционным, государственным и одновременно международным мерилom состоятельности государства, его способности блюсти свои международные обязательства в части соблюдения международных стандартов прав и свобод граждан.

Следующим важным принципом государственно-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан является принцип государственного признания ее правомерности и обязательности. Данный принцип закреплен конституционно. Статья 2 Конституции России гласит, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»; ст. 18 Конституции утверждает: что «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечения правосудия». Статья 45 Конституции России уточняет: «1. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Часть вторая указанной статьи гласит: «2. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [1]. Таким образом, принцип государственного признания правомерности и обязательности государственно-правовой защиты является обоснованным.

Принцип добровольности обращения к государственно-правовой защите, использованию ее механизма для реализации, восстановления или защиты прав, свобод и интересов граждан имеет также очень важное значение в системе право-

защитной деятельности [2]. Сущность, назначение этого принципа настолько очевидны, что вряд ли требуется его развернутое комментирование, интерпретация. Тем не менее, обратим особое внимание на то, что гражданин самостоятельно решает, как ему поступить в той или иной ситуации: самообороняться или надеяться на государство, общество, общественные объединения; какой метод, способ, средство применить в случае обращения к индивидуальной самообороне; довольствоваться только национальным механизмом социально-правовой защиты или обратиться к международному; обратиться к самообороне лично или доверить своему представителю, родственнику, адвокату, общественному защитнику.

Наиболее спорным и в то же время сложным является принцип разумности и объективности оценки значимости, эффективности правовой защиты. В силу чего данный принцип так неоднозначно воспринимается и оценивается? Во-первых, потому, что граждане по своему внутреннему убеждению оценивают его значимость, эффективность, игнорируя многие факторы (слабое знание закона, несвоевременность обращения к ней, неверный выбор средства, способа, метода, нежелание считаться с требованиями законопредписаний и т. д. и т. п.). Во-вторых, отсутствием четких критериев оценки эффективности, кроме как положительно либо отрицательно завершившаяся операция по реализации, восстановлению или защите прав, свобод и интересов (без учета того, сколько сил, времени, средств, здоровья было на эту пиррову победу затрачено). Принцип разумности и объективности оценки значимости, эффективности государственно-правовой защиты требует наличия должного уровня правовой культуры ее участников (с одной стороны, потерпевший, с другой — нарушитель прав, свобод и интересов).

Принцип ответственности за отступление от порядка и правил осуществления государственно-правовой защиты означает, что, невзирая на принцип добровольности, гражданин, обратившийся к ней, но допустивший отступление от принципа законности, обязан отвечать по закону, ибо нельзя создать личное благополучие посредством лишения его других. Права, свободы и интересы неограниченны и должны быть взаимоуважаемы, взаимособлюдаемы. Виды ответственности зависят от вида и степени нарушений порядка и правил обращения и пользования механизмом государственно-правовой защиты. Оснований для применения этого принципа много, каждое из них имеет свои особенности, свою упорядоченность возникновения и использования [3]. Соблюдение настоящего принципа имеет особое значение, ибо он способен корректировать поведение участников — сторон социально-правовых отношений: воздействовать друг на друга, с одной стороны, и помогать исключению, предупреждению более тяжких последствий отступления от порядка и правил применения ее механизма — с другой.

Принцип гласности использования, обращения к государственно-правовой защите настолько понятен, доступен для восприятия, что вряд ли требует дополнительных пояснений. В какой-то части данный принцип созвучен с принципами законности и государственного признания правомерности и обязательности государственно-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан и означает запрет какой-либо закрытости, затруднения обращения к ней, получения информации о ее содержании, результатах. Исключением являются лишь сведения, способные нанести ущерб государственным интересам или если они не подлежат разглашению в силу требований нравственности.

Принцип презумпции правомерности требований граждан предоставления им их прав, свобод и интересов означает: гражданин прав, настаивая на том, что его права, свободы и интересы не представляется возможным реализовать, восстановить и защитить, надеясь только на обязанность сделать это государства, общества. Этот принцип также означает, что обязанность опровергать несостоятельность

требований граждан, отсутствие у них права на соответствующие права и свободы возложена на тех, кто подозревается в их ущемлении (кроме дел так называемого частного обвинения) [4].

Содержание рассмотренных принципов государственно-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан позволяет сделать следующие выводы:

- применение всех семи обоснованных нами принципов делает их устойчивой юридической базой, на основе которой уже разработан механизм правовой защиты прав, свобод и интересов граждан;
- каждый принцип в отдельности служит активизации деятельности граждан в части приобретения навыков самообороны, однако только усвоение всех вместе способно надежно его защитить;
- значимость принципов далеко не однозначна, но каждый из них служит не только дополнением, но и продолжением другого, что делает их взаимозависимыми и взаимодополняемыми;
- предложенные принципы обоснованы и закреплены не только конституционно, но и находятся в полном соответствии с международно-правовыми актами, определяющими международные стандарты прав и свобод граждан;
- механизм государственно-правовой защиты, покоящийся на предложенных принципах, доступен каждому гражданину и обязан быть взят на вооружение всеми, кто уважает себя, кому небезразлично отношение к его личным правам, свободам и интересам со стороны юридических и физических лиц [5].

Исследование сущности и возможностей принципов государственно-правовой защиты дает возможность сделать следующие предложения относительно повышения эффективности, качества механизма личной правозащитной деятельности:

1. На основе требований принципа законности обращения граждан к правовой защите необходимо значительно усилить правоохранительную сторону деятельности юридических и должностных лиц, общественных объединений.
2. Принцип государственного признания правомерности и актуальности государственно-правовой защиты обязывает государственные органы власти: законодательную, исполнительную и судебную кардинально изменить отношение к обеспечению исполнения законов прежде всего представителями государственной власти. Указанный принцип налагает особую ответственность на законодательную власть (Федеральное Собрание России, законодательные органы субъектов Российской Федерации, местного самоуправления), которая ответственна за качество законодательной базы правозащитного характера.
3. Принцип разумности и объективности оценки значимости, эффективности государственно-правовой защиты обязывает ее участников, с одной стороны постоянно повышать их уровень правовой культуры, с другой — предписывает государству, обществу обеспечить свободный доступ к действующему законодательству, юридической литературе, образцам документов. Статья 48 Конституции России гласит: «1. Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи». Более того, в случаях, предусмотренных законом, она обязана оказываться бесплатно.
4. Принцип ответственности за отступление от порядка и правил осуществления правовой защиты обязывает правоохранительные органы (милицию, прокуратуру, суды) особое значение уделить пунктуальному исполнению

органами, организациями, должностными лицами и гражданами действующих российских законов, международного правозащитного законодательства и прежде всего закона России «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» [2].

5. Принцип гласности использования права обращения граждан к государственной правовой помощи и защите налагает обязанность на государство и его органы, организации по обеспечению полной информации о месте, времени, видах правовой помощи с тем, чтобы всякий в ней нуждающийся мог бы ею воспользоваться [6].

Сделанные выводы и предложения, по мнению авторов, будут способствовать приближению нашего российского общества к правовому, социальному, светскому, демократическому государству, признание ценностей которого, к сожалению, в основном пока имеет место лишь в Конституции Российской Федерации и в отдельных федеральных законах.

Литература

1. Конституция РФ. М., 2013.
2. Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: Федеральный закон РФ от 14.12.1995 г. № 197-ФЗ // Справочная система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=84613> (дата обращения 19.08.2013).
3. Права человека в инновационном развитии региона: материалы круглого стола, посвященные Международному дню прав человека. Белгород, 2012.
4. Глуценко П. П. Конституционное право России: учеб. пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2012.
5. Конституция Российской Федерации — правовая основа механизма правозащитной деятельности: теории и практика, история и современность / под общ. ред. П. П. Глуценко. СПб., 2013.
6. Механизм организации и осуществления государственной правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан в РФ / под общ. ред. П. П. Глуценко. СПб., 2013.

УДК 343.2

О. В. Гревцов

Сущность и особенности методологии уголовной политики

O. V. Grevtsov. The essence and specifics of criminal policy methodology

В статье на основе обобщения общеправовых проблем научного познания, дискуссионных вопросов, связанных с определением понятия, предмета и статуса методологии, ее сущности и структуры, сформулировано

On the basis of philosophical generalization problems of scientific cognition, discussion of issues which are related with the definition of the concept, subject and status of the methodology, its nature and structure is for-

---

Олег Вальтерович Гревцов — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

© О. В. Гревцов, 2013.

авторское определение понятия «методология уголовной политики», раскрыты его сущность и признаки, проанализированы объект и предмет, уровни их методологического анализа, источники методологии уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика, методология, уровни методологического анализа, система научного знания, методология уголовной политики, принципы, закономерности, источники, категории и понятия уголовной политики.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; (812) 313-39-41; oleg-grevtsov@yandex.ru.

mulated the definition of the concept «methodology of criminal policy»/ The article discloses its essence and characteristics, analyzes the object and levels of methodological analysis, sources of methodology of criminal policy.

Keywords: criminal policy, methodology, levels of methodological analysis, the system of scientific knowledge, methodology of criminal policy, principles, laws, sources, categories and concepts of criminal policy.

Contact details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 313-39-41; oleg-grevtsov@yandex.ru.

Основой методологии и логики научного познания является категориально-понятийный аппарат, определение приоритетов важнейших для научного исследования категорий и понятий, их образующих признаков.

Некоторые авторы определяют понятие как одну из форм отражения мира на ступени познания, связанной с применением языка, форму (способ) обобщения предметов и явлений и отмечают, что понятие имеет тем большую научную значимость, чем более существенны признаки (составляющие содержание), по которым обобщаются предметы [1, с. 437]. Это определение недостаточно точно и полно отражает сущность понятия. Сущность любого явления или понятия — это определяющая его природу внутренняя сторона или совокупность нескольких сторон (связей), изменение которых неизбежно влечет изменение этого явления или понятия [2, с. 638]. Таким образом, понятие необходимо рассматривать как абстрактно-логическую форму отражения внутренней стороны или совокупности нескольких сторон (внутренних связей) явления (предмета), определяющих его сущность.

Определение понятия, сущности и особенностей методологии уголовной политики непосредственно связано с обобщением общефилософских проблем научного познания, его методологии.

Для методологии уголовной политики характерны признаки, присущие методологии (методологии научного познания) в целом: теоретический характер, системность, диалектическая взаимосвязь онтологических, гносеологических, логических, теоретических и исторических оснований, единство познавательной и практически-преобразующей направленности.

Выяснение сущности и особенностей методологии уголовной политики связано с выделением тех особых черт, дополнительных признаков, которые характерны только для этой методологии. А это значит, что важно проанализировать ее объект и предмет, уровни их методологического анализа, ее источники.

Объектом методологии уголовной политики являются: уголовная политика в целом как самостоятельная форма общей политики государства и все ее составляющие — политико-правовые отношения, нормы, идеи, взгляды, их социальные носители (субъекты), деятельность последних по противодействию преступности (ее направления, формы и способы), функционально-целевая установка уголовной политики, преступность как социальное явление и специфический объект государственной деятельности.

Перечисленные составляющие уголовной политики, противоречия внутри этих составляющих и между ними являются *источниками* методологии уголовной

политики, элементами ее онтологического основания. (Онтология — учение о бытии, о сущем, о его формах и фундаментальных принципах, о наиболее общих определениях и категориях бытия [см.: 1, с. 395].)

Предметом рассматриваемой методологии являются закономерности функционирования и развития преступности как социального антагонизма и уголовной политики как относительно самостоятельного направления политики государства, всех ее составляющих, принципы познавательной и деятельно-практической деятельности в сфере борьбы с преступностью, а также категориально-понятийный аппарат уголовной политики.

Существенными составляющими методологии уголовной политики являются принципы, познанные закономерности, основные и факультативные категории и понятия уголовной политики.

Определение места и роли методологии уголовной политики в системе научного знания связано с изучением особенностей и форм взаимосвязи различных уровней методологического анализа и выявлением особенностей их влияния на теоретическую и практическую деятельность. Возрастающие интеграция и дифференциация методов в сфере теории и практики способствовали формированию взглядов на методологию как на единое учение, общее для всех областей знания, с одной стороны, и возникновению полисемантической интерпретации термина «методология», усилению тенденции рассматривать методологию как дифференцированное и многоуровневое явление — с другой.

Так, А. Бынков утверждает, что «частнонаучной методологии нет. Методология одна: она есть философско-логическая, ибо только философия и логика исследуют всеобщие законы бытия и мышления» [3, с. 322]. А. М. Новиков и Д. А. Новиков считают, что «невозможно выделить отдельно какие-либо сугубо специфические для какой-либо конкретной науки методы, принципы или средства исследования», «общее строение методологии науки едино» [4, с. 322, 19].

В. С. Тюхтин отмечает, что методология науки включает, помимо принципов, понятий и методов научного исследования, общих для всех областей знания, особые для каждой науки черты, средства и методы исследований [5, с. 66].

И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин предлагают выделять четыре уровня методологии: философский, общенаучных принципов, конкретно-научный и уровень методики и техники исследования [6, с. 69–71]. При этом они указывают на большое значение методики и техники исследования в современной науке, когда занятие наукой стало массовой профессией и требуется гигантский объем черновой подготовительной и экспериментальной работы [там же, с. 79].

Г. А. Подкорытов относит вопросы применения конкретнонаучных, специальных методов к методике как вполне самостоятельной форме познания, отличной от методологии, которая всегда, по его мнению, представляет целенаправленную, теоретически продуманную познавательную деятельность [7, с. 29, 31].

И. В. Назаров выделяет пять уровней методологии: 1) философский; 2) учение об общенаучных методах познания и логика научного познания; 3) учение о системе общенаучных методов познания, применяемых в какой-либо фундаментальной науке, вопросы их исторического и логического единства и взаимодействия; 4) учение о системе общенаучных методов познания и гносеологические проблемы в какой-либо отдельной нефундаментальной научной дисциплине; 5) вопросы, связанные с применением конкретно-научных, специальных методов исследования [8, с. 12–18]. Указанный автор справедливо отмечает, что вопросы методики, понимаемой в смысле практических навы-

ков, приемов исследования, умения обращаться с приборами, техники обработки фактического материала, имеющих чисто прикладной, технический характер, к методологии науки не относятся. Значение методики и техники исследования для научного познания несомненно, но из этого не вытекает необходимость ее включения в методологию. Это не означает, что связь методологии и методики исследования отсутствует, она существует, причем в их взаимоотношении методика играет подчиненную роль. Любые методические приемы исследования направляются методологией и развиваются под влиянием методологических задач [там же, с. 18].

А. Т. Москаленко рассматривает следующие уровни методологического анализа: 1) философская методология, включающая мировоззренческую интерпретацию результатов науки, анализ общих форм и методов научного мышления, его категориального строя с точки зрения той или иной картины мира; 2) изучение общенаучных принципов, подходов и форм исследования (к которым относят методы теоретической кибернетики, системный подход, методы идеализации, формализации, алгоритмизации, моделирования, вероятностный, статистический и др.); 3) конкретно-научная методология, т. е. совокупность методов, принципов и процедур, применяемых в той или иной отрасли науки; 4) дисциплинарная методология, т. е. совокупность методов, принципов исследования и процедур, применяемых в той или иной научной дисциплине, входящей в какую-либо отрасль науки или возникшей на стыках наук; 5) методология междисциплинарного комплексного исследования, комплексно, всесторонне охватывающего исследуемый объект в целом, во всех его связях и опосредованиях [9, с. 20–44].

Методологию комплексных исследований в качестве самостоятельного уровня методологического знания выделяет К. П. Краснояров, который указывает, что комплексные исследования являются самостоятельной формой научного поиска, а к отличительным свойствам комплексной научной деятельности относит такие признаки, как междисциплинарность, выраженная направленность на решение конкретных стыковых проблем, целевая детерминированность, непосредственная коллективность, высокий уровень организованности. Методология комплексных исследований, по мнению указанного автора, выступает связующим звеном между общенаучным и частнонаучным уровнями методологического знания, занимает промежуточное положение между ними. Это находит выражение в неоднородности ее содержания, в котором можно выделить инвариантное ядро, состоящее из совокупности общенаучных норм, и набор частнонаучных регулятивов, определяемых характером проблем, подлежащих решению. Инвариантное ядро комплексной методологии составляют ее основные методологические принципы, представляющие собой интерпретации системных норм в сфере научной деятельности [10, с. 9].

Признавая многоуровневый характер методологии, учитывая сложный, комплексный характер объекта социального (правового) регулирования уголовной политики, т. е. преступности и борьбы с ней, и обусловленный этим объектом межотраслевой характер теории уголовной политики, ее методологию следует отнести к *междисциплинарному, комплексному уровню методологического анализа*. Комплексный метод есть особая форма интеграции исследовательской деятельности и такой вид взаимодействия наук, где «речь идет о глубоком, коренном, качественном изменении в самой структуре научного знания, о полном перевороте в методологии науки, о том, что начинает ломаться веками утвердившееся членение науки на отдельные ее отрасли и зарождается принципиально новый подход к самой основе того, что именуется наукой» [11, с. 36].

Междисциплинарный характер методологии уголовной политики обуславливает неоднородность ее гносеологического основания, ее взаимосвязь с различными отраслями научного знания.

Методология уголовной политики строится на базе коренных общефилософских положений (материалистических или идеалистических), от характера которых существенно зависит ее эффективность. В конкретно-научном исследовании философский подход к анализу проблемы не всегда учитывается в явном виде, хотя очень часто именно философский анализ проблемы имеет решающее значение в определении судьбы исследования, так как именно он задает общее направление исследования, принципы подхода к объекту изучения, а также является отправной точкой при мировоззренческой интерпретации полученных результатов [12, с. 22]. Как показывает опыт развития современной науки, адекватными философскими методами являются диалектика и материализм. «Диалектико-материалистический метод,— пишет Г. Климашевский,— направлен на познание и преобразование, он представляет собой единство объективной стороны (познанных закономерностей) и субъективной стороны (познания и деятельности на основе познанного). Таким образом, составные части, или элементы, диалектико-материалистического метода образуют единство познавательных и регулятивных (выполняющих определенные требования) моментов» [13, с. 818].

Однако на современном этапе развития российской юридической науки существенно меняется отношение к методологическим принципам диалектико-материалистической философии, что выражается в критике методологического однообразия юридической науки в духе плюралистического истолкования последней. Наблюдается тенденция негативной оценки прошлого методологического опыта борьбы с преступностью, когда он полностью отрицается как совершенно устаревший.

Методология уголовной политики опирается на основные положения многих историко-теоретических, отраслевых, межотраслевых, прикладных и иных юридических наук. Но главными среди них являются положения общей теории права [14], теории государства [15, с. 17–82], теории уголовного права, криминологии.

Методология уголовной политики опирается на данные истории, а также на исторические разделы различных групп юридических наук, отражающих развитие отдельных элементов правоохранительной системы и сторон противодействия преступности. Указанная методология, обращаясь к истории, обобщает путь развития научного познания преступности как специфического объекта государственной деятельности, уголовной политики и ее основополагающих составляющих (политико-правовых отношений, юридических норм, политико-правовых идей и взглядов, их социальных носителей (субъектов), деятельности последних, ее направлений, форм, способов и др.).

Таким образом, методология уголовной политики как элемент идейно-теоретической, абстрактно-логической стороны деятельности по борьбе с преступностью представляет собой систему принципов, закономерностей, основных и факультативных категорий и понятий уголовной политики, обобщающую и определяющую ее историческое и теоретическое развитие, направленную на решение познавательных и практических задач в сфере борьбы с преступностью.

Методология уголовной политики является идеальным инструментом, орудием и способом познания и преобразования преступности и правоохранительной системы, с одной стороны, и специфической формой знания о том,

как в определенных условиях действовать в целях их познания и преобразования, — с другой. Анализ методологии уголовной политики предполагает рассмотрение ее философской, мировоззренческой базы, исторических и концептуальных основ, принципов теоретической и практической деятельности в сфере борьбы с преступностью, закономерностей уголовной политики, противоречий ее категориально-понятийного аппарата.

Литература

1. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
2. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989.
3. Бынков А. К вопросу о системе методологии и методов в диалектической логике // Диалектика и логика научного познания: сб. ст. М., 1966.
4. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007.
5. Тютин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.
6. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
7. Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967.
8. Назаров И. В. Об уровнях методологического анализа конкретно-научного знания // Диалектика, логика и методология науки. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 12–18.
9. Москаленко А. Т. Методы научного познания и уровни методологии // Методология в сфере теории и практики / отв. ред. А. Л. Симанов и В. Н. Карпович. Новосибирск: Наука (СО), 1988. С. 20–44.
10. Краснояров К. П. Методологические принципы комплексных научных исследований и их роль в интеграции науки: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1984.
11. Кедров Б. М. Взаимодействие наук как общественная проблема // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981.
12. Методология в сфере теории и практики / отв. ред. А. Л. Симанов и В. Н. Карпович. Новосибирск: Наука (СО), 1988.
13. *Klimaszewsky G.* Die materialistische Dialektik als Einheit von Theorie und Methode // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1974. N 7.
14. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2008.
15. Спиридонов Л. И. Теория государства // Теория государства и права: курс лекций. СПб., 1995. С. 17–82.

Е. Е. Курочкина

**Основные направления совершенствования
государственно-правового механизма финансово-
контрольной деятельности в сфере размещения
государственного и муниципального заказа
в Российской Федерации**

*E. E. Kurochkina. The main directions of improving the state-legal
mechanism of financial and control activities in the field of placement
of state and municipal contracts in the Russian Federation*

В статье содержится анализ нормативно-правового регулирования системы государственного и муниципального заказа, и определяются направления совершенствования контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, осуществляемых контрольно-счетными органами государственного финансового контроля.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, государственный и муниципальный заказ, контрольно-счетные органы, контрольные мероприятия.

Контактные данные: 190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 3; (812) 305-16-21; eek1979@list.ru

The article analyzes the regulatory system of state and municipal contracts and identifies ways of improving control and expert-analytical activities carried out by the control and audit bodies of the state financial control.

Keywords: state financial control, state and municipal contract, control and accounting bodies, control activities.

Contact details: Senatskaya Sq. 3, St. Petersburg, Russian Federation, 190000; (812) 305-16-21; eek1979@list.ru

В Российской Федерации существует более 260 законов, указов, постановлений, относящихся к регламентации финансово-контрольной деятельности. Однако активное законотворчество, к сожалению, не повлекло за собой повышение эффективности законодательства и не способствовало росту авторитета закона среди населения и должностных лиц. Проблема качественного, своевременного и эффективного законотворчества остается достаточно острой. К сожалению, некоторые законы после принятия просто не работают, не применяются, а многие применяются и регулируют правоотношения не в том объеме, на который изначально были рассчитаны. Так, например, изменения в текст Федерального закона № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» в целом с момента его принятия вносились 33 раза. Сложившиеся в течение семилетнего срока действия данного закона двойные стандарты в сфере государственных закупок привели в итоге к тому, что 1 января 2014 г. данный документ утрачивает силу.

Система государственного и муниципального заказа получает новый регулятор данных правоотношений в виде Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ

Екатерина Евгеньевна Курочкина — начальник отдела образовательных программ Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, кандидат юридических наук.

© Е. Е. Курочкина, 2013.

(в ред. от 02.07.2013 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Все участники государственного заказа возлагают на новый закон большие надежды, потому что предыдущий, хотя и был остро необходим на тот период [1], не смог в должной мере отрегулировать данный пласт правоотношений. Закон 94-ФЗ создал в системе государственных и муниципальных закупок ситуацию, при которой получение бюджетных средств стало самоцелью, а качество работ, товаров и услуг снизилось в разы. Заложенный в данном законе правовой механизм был на руку любому из недобросовестных участников данных правоотношений как со стороны органов государственной власти и управления, так и со стороны предпринимателей [2]. О необходимости кардинальной перестройки системы государственных закупок в 2011 г. заявил в Бюджетном послании к Правительству РФ и руководителям палат Федерального Собрания РФ Президент России Дмитрий Медведев.

В действующем законодательстве, регулирующем организацию и осуществление финансово-контрольной деятельности в целом и государственный и муниципальный заказ в частности, можно выделить следующие общие проблемы и противоречия.

1. Многослойность законодательства

Отсутствие четко сформулированных положений в законах требует принятия для их разъяснения следующего закона, так как сравнение текстов, регулирующих один и тот же вопрос, дает возможность по-разному трактовать правовые нормы, в связи с чем становится невозможно разобраться, как регулируется то или иное общественное отношение, и уяснить смысл нормы.

В исследуемой нами проблеме целесообразно остановиться на важности юридической проработки и порядка прохождения согласования проектов нормативно-правовых актов на стадии их разработки и обсуждения и ответственности в случае допущения правовых ошибок, выявленных после принятия нормативно-правового акта. Согласование проекта нормативно-правового акта включает личное визирование большого числа руководителей и исполнителей. Перед подписью проекты в обязательном порядке проходят правовую экспертизу в юридических и протокольных подразделениях государственных органов. Но на выходе очень часто мы получаем так называемый сырой документ, и законотворческие ошибки выявляются уже после его принятия, опубликования или в процессе применения.

В процессе согласования проект проходит рассмотрение и корректировку во многих инстанциях, часто процесс согласования сопровождается совещаниями по преодолению разногласий между заинтересованными сторонами [3], а в результате нормативно-правовые акты издаются с правовыми, а часто даже с орфографическими ошибками. Внесение изменений и дополнений предусматривает аналогичную процедуру и имеет определенный временной период.

С момента принятия Федерального закона 94-ФЗ ежеквартально Комитет экономического развития Санкт-Петербурга, уполномоченный осуществлять методическое и практическое руководство в сфере государственного и муниципального заказа [4], подготавливал методические рекомендации и издавал распоряжения, которые были направлены на разъяснение главным распорядителям бюджетных средств (председателям комитетов, главам районных администраций, руководителям городских служб и ведомств) основных противоречий федераль-

ного законодательства. Толкования специалистами данного комитета положений Федерального закона вызывало много споров и дискуссий среди должностных лиц, ответственных за размещение государственного и муниципального заказа, но в противном случае ежегодное исполнение закона «О бюджете Санкт-Петербурга» было бы под угрозой.

2. Пробелы в законодательном регулировании ряда сфер общественной жизни

Принимаемые законы порой неадекватны складывающимся в обществе правоотношениям. Законодательная техника требует полного регулирования соответствующей сферы общественных отношений, установления всей совокупности норм по предмету правового регулирования. Там, где образуется пробел, разрываются системные связи между правовыми нормами. В связи с этим в законодательстве последних лет заметно усилилась такая негативная тенденция, как обесценивание норм права.

Неисполняемые законы порождают массу негативных последствий, в т. ч. увеличивают нагрузку на судебную систему страны, об этом свидетельствуют обзоры судебной практики и подборки аналитических материалов административной практики ФАС России. Основная причина создавшейся ситуации — принятие законов вопреки сложившимся и устоявшимся правилам, без учета реалий.

В сфере государственного и муниципального заказа именно несоответствие между новыми условиями, в которых должен был функционировать закрепленный в законодательстве порядок, и старым механизмом этого функционирования стало одной из основных причин роста коррупции в переходный период. В связи с этим в настоящий момент основные усилия антикоррупционной программы и, в частности, нового закона о контрактной системе направлены на налаживание работы государственного механизма с учетом уже сложившихся новых условий. Одна из главных проблем современного законодательства — отсутствие единства подходов к регулированию цикла государственных (муниципальных) закупок. Наряду с этим констатируются правовые пробелы в регулировании отдельных закупочных этапов и процессов. Закон № 94-ФЗ регулирует только стадии проведения и контроля таких закупок. Остальные стадии урегулированы смежным законодательством и не учитывают особенности закупок в полной мере.

Наиболее полно оценить последствия действия того или иного законодательного акта, затрагивающего финансовые вопросы, в силу своих задач, функций и полномочий в ходе контрольно-ревизионной, аналитической деятельности могут контрольно-счетные органы, основными объектами контроля которых являются бюджет, внебюджетные фонды, имущество, средства в финансовых учреждениях.

3. Отсутствие законодательного закрепления на федеральном уровне правового статуса региональных органов внешнего финансового контроля

В этой связи обратимся к проблеме формирования контрольно-счетных органов в субъектах Российской Федерации, точнее, к вопросу обеспечения независимости их при проведении контрольных мероприятий от государственных органов власти субъекта Российской Федерации. Необходимо законодательно закрепить положение, согласно которому контрольно-счетные палаты субъектов Федерации должны быть

юридическим лицом, а не структурным подразделением представительного органа власти субъекта Федерации, так как иначе создание и правовой статус внешнего контрольного органа зависит от воли региональных властей.

Рассмотрим подробнее экспертно-аналитическую деятельность контрольно-счетных органов. Статьей 12 Лимской декларации руководящих принципов контроля предусмотрено, что контрольно-счетные органы в важных случаях имеют право подготавливать для законодательной и исполнительной власти экспертные оценки и заключения по законам и прочим предписаниям, имеющим отношение к финансовым вопросам, могут предоставить в распоряжение парламента и администрации свои профессиональные знания и опыт в форме экспертного заключения, включая замечания по проектам законов и других постановлений, относящихся к финансовым вопросам. Осуществляя экспертную деятельность, контрольно-счетные органы предоставляют государственным органам свой опыт вне рамок контрольной деятельности. Таким образом, высказывая свое мнение по законопроектам, счетные органы имеют возможность на раннем этапе указать на возможные финансовые последствия, которые могут возникнуть при практическом применении этих законов и норм. Законы многих субъектов Федерации о контрольно-счетных органах предусматривают среди видов деятельности и экспертную [5; 6]. В законе о Счетной палате Российской Федерации экспертно-аналитическая деятельность регламентируется ст. 20 «Экспертиза и заключения Счетной палаты», где в ряду прочего установлено, что Счетная палата проводит экспертизу и дает заключения по проектам законодательных и иных нормативных правовых актов по бюджетно-финансовым вопросам, вносимым на рассмотрение Государственной Думы. Кроме того, в соответствии со ст. 21 закона о Счетной палате Российской Федерации, Счетная палата должна систематически анализировать итоги проводимых контрольных мероприятий, обобщать и исследовать причины и последствия выявленных отклонений и нарушений в процессе формирования данных. Счетная палата разрабатывает предложения по совершенствованию бюджетного законодательства и развитию бюджетно-финансовой системы Российской Федерации и представляет их на рассмотрение Государственной Думы. Но, к сожалению, ни Конституцией Российской Федерации, ни Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, которыми осуществляется правовое регулирование процесса внесения законопроекта в Государственную Думу, не предусмотрено право законодательной инициативы Счетной палаты Российской Федерации.

Положительным результатом длительного и детального обсуждения и, безусловно, большой работы, которая была проведена Ассоциацией контрольно-счетных органов России, стало наделение правом законодательной инициативы по вопросам своей деятельности в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Федерации большинства региональных счетных палат [6]. Именно данные органы осуществляют отслеживание и проверку исполнения законов исполнительной властью, выявление правонарушений и злоупотреблений в действиях любого носителя власти. Ими осуществляется не только текущий и последующий контроль путем проведения проверок и ревизий распорядителей бюджетных средств, бюджетополучателей и иных участников бюджетного процесса в ходе исполнения бюджета и отраслевых программ, но и предварительный контроль в виде подготовки экспертных заключений по проектам соответствующих бюджетов, смет внебюджетных фондов, проектам федеральных, региональных целевых программ и иных нормативных правовых актов.

Участие контрольно-счетных органов в законотворческой деятельности позволит минимизировать недостатки сегодняшнего правового поля России и, как следствие, негативные последствия применения норм несовершенного законодательства.

С целью оказания методической и консультационной помощи членам Ассоциации контрольно-счетных органов России Счетной палатой России и ассоциацией в 2010 г. разработаны модельный закон о контрольно-счетной палате субъекта РФ и модельное положение, в которых выработан единый законодательный подход в вопросе о полномочиях контрольно-счетных палат субъектов Федерации. Считаю, что данная работа должна продолжаться и методические рекомендации должны получить статус нормативного документа и перейти в разряд обязательных положений при формировании контрольно-счетных органов на уровне субъекта Федерации. Ведь эффективность деятельности контрольно-счетных органов является важнейшим фактором экономического роста России.

На результативность деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации влияет множество факторов, в т. ч. факторы негативного характера, которые ограничивают потенциальные возможности органа внешнего финансового контроля с точки зрения предупреждения и ограничения последствий финансовых нарушений. Прежде всего это относится к недостаткам правовой и нормативной базы как федерального, так и регионального уровней. Но важное значение имеет и тот факт, что контрольно-счетный орган региона не располагает достаточными рычагами для обеспечения возврата в бюджетную систему региона средств, использованных не по целевому назначению в рамках размещенного государственного и муниципального заказа, не говоря о нерационально и неэффективно потраченных государственных средствах. Проблема заключается в том, что федеральные органы часто проявляют усилия по возврату средств лишь в случае выявления финансовых нарушений касательно средств федерального бюджета, но менее всего — регионального и муниципального. В этой связи весьма актуальна проблема законодательного наделения дополнительными полномочиями региональных и муниципальных контрольно-счетных органов, что будет, прежде всего, способствовать повышению эффективности бюджетного процесса в целом и системы государственного и муниципального заказа в частности.

4. Отсутствие законодательной регламентации разграничения предметов ведения финансово-контрольных органов

Недостатки в содержании и нацеленности государственной финансово-контрольной деятельности во многом связаны с несовершенством ее организационно-структурного построения. Наличие множества контролирующих структур различной ведомственной подчиненности с одинаковыми или похожими функциями затрудняет и осложняет их работу. Между органами, осуществляющими государственную финансово-контрольную деятельность, нет должной координации; они не увязаны в единую систему. Необходимы радикальные изменения не только в содержании самой системы, но и в ее организации, правовом обеспечении, ином, чем прежде, взаимодействии всех контролирующих органов. В связи с отсутствием регулирования данного вопроса осуществляемый ныне государственный финансовый контроль не носит превентивного профилактического характера, а связано это с тем, что он пока, как правило, является лишь регистратором нарушений, а не инструментом их предупреждения.

Главным препятствием в решении существующей проблемы является конкуренция государственных контрольных органов между собой. Каждая структура

хотела бы расширить сферу своих полномочий, увеличить численность и материальное обеспечение. Данные противоречия снижают эффективность финансово-контрольной деятельности государства в целом. Эти существенные ограничения результативности деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации могли бы быть устранены принятием Федерального закона «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации», который бы юридически закрепил систему государственного контроля.

Без становления федеральной системы государственной финансово-контрольной деятельности невозможно обеспечить эффективного устройства власти и укрепления ее авторитета. В условиях незавершенности процесса формирования российской политической системы общества, составной частью которой являются органы государственной финансово-контрольной деятельности, любые решения власти в области формирования, распоряжения и использования общественных ресурсов могут опираться только на авторитет силы государства и его органов [7].

В этой связи нельзя не сослаться на опыт решения рассматриваемой нами проблемы в СССР. Так, чтобы избежать несогласованности действий многочисленных специализированных органов государственного финансового контроля, устранить параллелизм и дублирование, обязанности по координации всей контрольной деятельности в свое время возлагались на Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции. При наличии централизованного планирования за ведомствами сохранялась инициатива в проведении контрольных мероприятий в подконтрольных им органах, но, проводя контроль, ведомства должны были уведомлять об этом Наркомат РКИ. Наркомат был наделен правом при установлении параллелизма проводимых контрольных мероприятий различными ведомствами приостанавливать в трехдневный срок начатую проверку [8, с. 224]. Позже органом, осуществляющим координацию и взаимодействие в данной сфере, стал Комитет народного контроля СССР [9, с. 443–448].

Целесообразность создания единого координирующего органа финансово-контрольной деятельности — весьма дискуссионная тема в настоящее время. Полагаю, что в рамках совершенствования системы государственного финансового контроля можно рассмотреть предложение о создании Координационного Совета по вопросам организации и осуществления финансово-контрольной деятельности, который должен войти в состав Контрольного управления Президента Российской Федерации, являющегося рабочим контрольным органом главы государства, со статусом самостоятельного отдела. Данная позиция объясняется тем, что у органов, осуществляющих контроль по линии Президента Российской Федерации, более широкий спектр направлений контроля, чем у Счетной палаты и Правительства РФ. Самый важный аргумент здесь — наличие у Президента Российской Федерации конституционных полномочий, предусмотренных ст. 80 Конституции РФ, какие не установлены для других государственных органов. А полномочия секретаря Координационного Совета при Президенте Российской Федерации целесообразно возложить на помощника Президента Российской Федерации — начальника Контрольного управления Российской Федерации. В этой части возможно применение аналогии функционирования Государственного Совета Российской Федерации: Президент — председатель, помощник Президента — секретарь.

Рассмотрение новых подходов в сфере правового регулирования государственного финансового контроля и создание новой законодательной базы в сфере государственного финансового контроля создает весьма благоприятные предпосылки для взаимодействия Счетной палаты РФ с органами внутреннего финансового контроля и, прежде всего, с Росфиннадзором. Так как важнейшим приоритетом на сегодняшний день является недопущение одновременных проверок разными

ведомствами одних и тех же объектов, что должно способствовать снижению административного давления, которое оказывают контрольные органы на национальную экономику [10]. При этом следует учитывать, что количество задач, стоящих перед контрольно-счетными органами внешнего и внутреннего контроля, неумолимо растет, но одной из главных и, возможно, самой актуальной в связи с переходом на новую контрактную систему остается обеспечение прозрачности всего бюджетного процесса и государственного и муниципального заказа, в частности.

5. Отсутствие утвержденной единой Концепции государственной финансово-контрольной деятельности и Федерального закона «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации»

Понимание необходимости существенных изменений в сфере государственной финансово-контрольной деятельности отнюдь не означает единства во взглядах разных авторов на содержание и последовательность проведения предстоящих преобразований. Эти разногласия в подходах привели к тому, что до сих пор в России не только не принят закон о государственном финансовом контроле, но и не создана соответствующая ему согласованная концепция (стратегия), отражающая принципиальные позиции государства, в части построения и функционирования в России финансово-контрольных органов. Принятие закона должно стать первоочередным шагом на пути создания эффективной, действенной и единой финансово-контрольной деятельности государства, на самом деле способной надежно обеспечить защиту экономических интересов Российской Федерации, ее экономической безопасности, суверенности [11, с. 44–57].

Принятие Федерального закона «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации» ознаменует собой начало формирования комплексной системы законодательных и нормативных актов финансово-контрольной деятельности Российской Федерации. Данный закон повысит статус норм государственного финансового контроля, поставит правовые акты, регулирующие финансово-контрольную деятельность государства на одну ступень с иным законодательством (т. е. правовыми актами иных сфер государственного управления, которые изначально формировались на основе федеральных законов). Это обстоятельство имеет очень важное значение и при разрешении правовых коллизий, противоречий действующего законодательства, споров с участием финансово-контрольных органов (например, в отношении вынесенных ими решений по проверкам). Скорейшая разработка закона позволит перейти финансово-контрольной деятельности Российской Федерации на качественно иной уровень, отвечающий потребностям современного государственного управления.

Необходимость теоретического обоснования концепции финансового контроля в государстве в целом, а также в регионах уже давно стала очевидна для всех участвующих в ней субъектов. Концепция должна провозглашать постулаты контрольной политики России и служить основой для формирования и совершенствования законодательной базы контрольно-счетной деятельности. Особое звучание эта проблема приобретает в субъектах Федерации, как уже писалось выше, например, при формировании на местах контрольно-счетных органов.

Вопрос о разработке концепции контрольной деятельности в разных ее вариациях поднимался уже неоднократно. Так, например, на необходимость разработки концепции государственного финансового контроля указывает В. В. Бур-

цев: «Необходим документ, комплексно и системно решающий все основные вопросы государственного финансового контроля, правовое обеспечение которых в действующих нормативно-правовых актах отсутствует либо разработано лишь частично» [12, с. 40]. В ином, обобщенно-расширенном варианте идея концептуального обеспечения высказана А. М. Тарасовым: «...в настоящее время накопился комплекс проблем, связанных с недостатками в обеспечении эффективно-государственного контроля, в том числе обусловленных отсутствием базового Федерального закона „О государственном контроле в РФ“, а также „Концепции о государственном контроле в РФ“» [13, с. 15–16].

Продолжая этот ряд, необходимо дополнить его предложением о разработке концепции правового регулирования и осуществления региональной контрольно-счетной деятельности в субъектах Российской Федерации, поскольку она имеет весьма существенные особенности и отличительные черты не только в сравнении с федеральным уровнем, но и в отдельных субъектах России.

6. Низкий уровень правовой культуры общества

Особую значимость в деятельности должностных лиц, которым доверяется применять свои знания от имени государства, и компетентных органов и организаций имеет правовая культура, которая представляется эффективным средством обеспечения законности и правомерности их действий.

Правовая культура — это барометр общественной жизни, представляющая собой одновременно и социально значимую силу, определяющую, как часто законопредписания применяются в практической деятельности либо игнорируются. Правовая культура является одним из основных условий построения правового государства. Любое неверное решение, действие должностных органов, компетентных органов и организаций чревато такими последствиями, как утрата авторитета не только соответствующего юридического лица, но и государства в целом.

Достижение основных целей финансово-контрольной деятельности без добротных, устойчивых юридических знаний невозможно, ведь для контроля необходимо знать, что именно и в каком объеме следует проверять, какие действия при этом признать законными, а какие наоборот, что следует предпринять по отношению к правонарушителю. Все это прописано в законах либо подзаконных актах, а их знание для должностного лица, наделенного полномочиями, обязательно.

Оценка действующей в настоящий момент системы органов финансового контроля позволяет утверждать, что уровень правовой культуры их сотрудников различен по объему и сложности.

По своему содержанию и предназначению правовая культура представляет собой некую модель правокультурного поведения личности вне зависимости от положения в обществе, занимаемой должности, профессиональной деятельности (специальности). Заявленная модель позволяет определить ее сущность, содержание, характеристику: а) фактическое правовое и правоправное поведение; б) отношение к правонарушениям, осознание значимости законопредписаний в его повседневной и профессиональной (производственной, должностной) деятельности; в) выработанную привычку, убеждение в необходимости действовать только по закону, праву; г) гражданско-правовую, социально-необходимую активность, направленную на понуждение окружающих действовать так же.

Следует, однако, признать, что до такой идеальной модели еще очень далеко. Проблема заключается в том, что должностные лица и сотрудники органов, входящих в систему государственной финансово-контрольной деятельности, вынуждены руководствоваться законопредписаниями столь многозначными в части применения, что их можно использовать как для нужд и интересов государства, так и для личных.

С этим можно не соглашаться, но сложившаяся на сегодняшний день в системе государственного и муниципального заказа практика свидетельствует: любая неточность в правовой норме чревата негативными последствиями и наносит невосполнимый ущерб интересам государства, личности и обществу (см. материалы проверок Счетной палаты Российской Федерации и обзор административных предписаний ФАС России: они представлены в свободном доступе на официальных сайтах государственных органов).

За последние два года в целях оптимизации структуры и полномочий исполнительных органов государственной власти и в рамках борьбы с коррупцией была проведена большая работа по разработке и утверждению административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг).

Таким образом, проведенный анализ действующего законодательства и сложившаяся на сегодняшний день практика проведения финансово-контрольных мероприятий позволяют сделать следующие выводы:

1. Необходимо создание единой и отлаженной системы государственного воздействия на экономику, позволяющей осуществлять с наименьшими потерями регулирование важнейших экономических преобразований, а также способной взять на себя функции управления и поддержания экономики страны на безопасном уровне. При этом необходимо четко определить границы, критерии или условия государственного вмешательства в экономику (данное положение напрямую относится и к новой контрактной системе, которая начнет действовать в нашем государстве с 1 января 2014 г.), а также обеспечить развитие эффективных методов государственного регулирования.

В целях построения более надежной системы финансово-контрольных органов в работе предложено создание единого координирующего органа (это не означает лишения самостоятельности в проведении проверок иных финансово-контрольных органов) — Координационного Совета по вопросам организации и осуществления финансово-контрольной деятельности при Президенте Российской Федерации, на основании проведенного анализа полномочий организации и осуществления государственного финансового контроля в условиях принципа разделения властей.

2. Решение проблем, существующих в сфере осуществления государственной финансово-контрольной деятельности, требует жесткого правового регулирования, в связи с чем в статье рассмотрены предложения по внесению изменений в действующее законодательство (Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации», модельное законодательство «О контрольно-счетных органах субъектов Федерации») и обозначены дальнейшие направления законотворческой деятельности (Концепция государственного финансового контроля, Федеральный закон «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации». Государство как универсальная и суверенная политическая организация, весь его механизм, воплощенная в нем государственная власть, государственная служба, право, его нормативные источники — законы, подзаконные акты — все это имеет непосред-

ственное отношение к финансово-контрольной деятельности в той мере, в какой сама финансово-контрольная деятельность зависит от оптимальности государственного управления, воздействия на экономические процессы, от их правового регулирования.

Роль права в создании эффективной системы государственного и муниципального заказа в частности и финансово-контрольной деятельности государства в целом сводится, в конечном счете, к эффективному функционированию действующего законодательства, максимальному использованию его потенциала и укреплению существующего международного и национального правопорядка, а также выработке новых национальных правовых норм и их дальнейшему отражению в международных обязательствах страны.

Литература

1. *Нестерович Н. В., Смирнов В. И.* Конкурсные торги на закупку продукции для государственных нужд / под ред. А. Г. Свиначенко. М.: ИНФРА-М, 2000. 360 с.
2. Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН Ирина Смотрицкая: «Государственные закупки: проблемы и пути модернизации системы» // Бюллетень оперативной информации «Московские торги». 2011. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-torgi.ru/index.php/stati-2/1343-gosudarstvennyye-zakupki-problemy-i-puti-modernizatsii-sistemy> (дата обращения 25.08.2013).
3. Регламент Правительства Санкт-Петербурга: утвержден Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 16.12.2003 г. № 100 (с изм. на 24.07.2013). Глава 3 [Электронный ресурс]. URL: www.gov.spb.ru (дата обращения 29.08.2013).
4. О Комитете экономического развития, промышленной политики и торговли: Постановление Правительства Санкт-Петербурга (с изменениями на 27.09.2012; утратило силу с 01.01.2013 на основании Постановления Правительства Санкт-Петербурга от 27.09.2012 № 1041) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8389261> (дата обращения 29.08.2013).
5. О Контрольно-счетной палате Санкт-Петербурга: закон Санкт-Петербурга от 13.7.2011 г. № 455-85 (с изменениями на 17.07.2013) [Электронный ресурс]. URL: www.gov.spb.ru (дата обращения 29.08.2013).
6. О Счетной палате Оренбургской области: закон Оренбургской области от 03.10.2011 г. № 459/121-V-03 (в ред. закона Оренбургской области от 28.12.2011 № 677/186-V-03) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sp.orb.ru/pages/about/baza.html> (дата обращения 29.08.2013); О счетной палате: закон Тюменской области от 28.09.2011 г. № 54 [Электронный ресурс]. URL: http://rfspto.ru/?page_id=25 (дата обращения 29.08.2013).
7. *Axelrod D.* A Budget Quarter. N. Y., 1989; *Pasquariello R.* Tax Justice., N. Y.; London: Lanham, 1985. 96 p.; *Shuman Howard E.* Politic and Budget. The struggle between the President and the Congress. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1992. 117 p.
8. Постановление ЦИК и СНК СССР от 25.04.1928 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. М., 1928. № 26. С. 224.
9. О народном контроле в СССР: закон от 30.11.1979 г. // Справочник партийного работника. Вып. 20. М., 1980. С. 433–448.
10. Тезисы выступления Председателя Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашина на совещании по вопросам совершенствования государственного контроля (18 декабря 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: www.ach-fci.ru/AKSOR/Publish/art5/art2 (дата обращения 22.08.2013).
11. *Сидяков А.* Сущность финансово-экономического контроля и понятие его эффективности // Финансовый контроль. 2004. № 5. С. 44–57.
12. *Бурцев В. В.* Государственный контроль: аспекты развития нормативно-правовой базы // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 40.
13. *Тарасов А. А.* Проблемы законодательного обеспечения государственного контроля // Государство и право. 2010. № 10. С. 15–16.

Заведующий редакцией
научной периодики СПбУУиЭ *Д. А. Беляева*
Ответственный за выпуск *А. В. Блажко*
Корректор *Г. М. Матвеева*
Компьютерная верстка *Е. Б. Сухопарова*

Санкт-Петербургский университет управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://www.spbume.ru>

Подписано в печать 23.09.2013.
Формат 60 × 901/8. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 3,87. Усл. печ. л. 6,5.
Тираж 500 экз. Заказ №. 104.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46998
от 19 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ»
190020, Санкт-Петербург, Старо-Петергофский пр., д. 34